

САРАТОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917–1930 гг. МЕМОРИАЛЬНАЯ ЗАПИСКА А. А. СОЛОВЬЕВА

В данной публикации приводится хранящаяся в архиве М. Е. Губонина записка церковного деятеля Саратовской епархии А. А. Соловьева о тайных архиерейских хиротониях в 1923 г. и борьбе с «живоцерковниками» в Саратовской епархии в 1917–1930 гг.

К столетию со дня рождения св. Патриарха Тихона, в 1965 г. Михаил Ефимович Губонин подготовил сборник из двух частей «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне» в машинописном виде, полностью готовый к печати. В первую часть вошли воспоминания о Патриархе, а во вторую — комментарии к ним. В настоящее время из собрания М. Е. Губонина выпущены два тома «Современники о Патриархе Тихоне» (М., 2007), ведется подготовка к изданию следующих томов. Работу над комментариями Михаил Ефимович продолжил и после завершения подготовки машинописного двухтомника. Большая часть включенного материала была в виде отдельных статей, объемом примерно 60 авторских листов, меньшая часть состояла из отдельных выписок, подобранных по определенной теме. Эта часть архива М. Е. Губонина перешла к протоиерею храма пророка Илии Обыденного о. Владимиру Смирнову († 1981), а после его смерти была передана родственниками протоиерею Сергию Голубцову. В 2004 г. о. Сергей безвозмездно передал все эти материалы в архив ПСТГУ.

В сборнике «Современники о Патриархе Тихоне» много места отведено обновленческому расколу, комментарии по обновленческому движению довести до конца Михаил Ефимович не успел. Среди статей по этой тематике оказалась и «Мемориальная записка А. А. Соловьева о тайных архиерейских хиротониях в 1923 году и борьбе с „живоцерковниками” в Саратовской епархии». Составитель предполагал в виде отдельного комментария сделать и статью об А. А. Соловьеве, но в сохраненных материалах остался только лист с номером комментария и заголовком «А. А. Соловьев», без текста. Из архивно-следственного дела ОФ 10269 известно, что Александр Александрович Соловьев родился 15 января 1898 г. в Казани в семье преподавателя. В 1916 г. окончил 1-ю саратовскую гимназию и поступил на юридический факультет Саратовского университета. В 1920 г. был призван на военную службу; после демобилизации вернулся в университет для завершения образования на факультет общественных наук. В 1923 г. состоял научным сотрудником при кабинете гражданского права факультета общественных наук Саратовского университета. После третьего ареста в 1934 г. Особым Совещанием при НКВД СССР 9 мая 1935 г. был приговорен к трем годам лишения свободы.

Данная записка представляет интерес с точки зрения изучения истории Русской Православной Церкви 1920–1930-х гг.

Внутритекстовые и подстрочные примечания в авторском тексте, кроме оговоренных, принадлежат составителю М. Е. Губонину, примечания публикаторов размещены за текстом.

Публикаторами в авторском тексте и предисловии составителя шрифтом прямого начертания в квадратных скобках даны раскрытые сокращения в написании отдельных слов и дат, а также уточнения, сделанные составителем; курсивом в квадратных скобках выделены уточнения, внесенные публикаторами.

Публикация и примечания И. И. Ковалевой и Н. А. Кривошеевой

Мемориальная записка А. А. Соловьева о тайных архиерейских хиротониях в 1923 г. и борьбе с «живоцерковниками» в Саратовской епархии

Выдержка, приведенная нами в Сборнике, извлечена из обстоятельной мемориальной записки (рукописи) одного молодого (тогда) саратовского юриста Ал[ексан]дра Ал[ексан]дровича Соловьева — активного церковного мирянина, принимавшего деятельное участие в разгроме обновленческой скверны, утвердившейся в Саратове в начале 1922 года.

Ввиду несомненного церковно-бытового интереса этой записки, озаглавленной «Борьба с „Живой церковью“ в Саратовской епархии (1922–[19]23, 1933–[19]34 гг.)», ниже приводим ее полностью.

Что касается тайных хиротоний архиереев в 1923 году, то таковые практиковались в ту пору, ввиду того что, благодаря заключению Святейшего Патриарха Тихона и многих епископов на местах, возникала угроза пресечения канонической благодатной преемственности в нашей иерархии, если создавшееся тогда положение продлилось бы долгое время. Кроме того, оголение архиерейского «фронта», естественно, развязывало руки многообразным церковным проходимцам из обновленческого лагеря и создавало тяжелую обстановку анархии, безначалия и растерянности среди православного клира и мирян.

Кроме архиерейских хиротоний, отраженных в записке А. А. Соловьева, было немало и других. Для примера упомянем о следующих.

22.3 (4.4) 1923 г. состоялась тайная хиротония епископа Кирилла (Васильева), совершенная Преосвященными Трофимом (Якобчуком) и Иосифом [*Невским*], епископом Валдайским.

В то же примерно время предполагалась и хиротония в Петроградского викарария (практически осуществленная позже — 10 (23).9 1923 г. освободившимся из заключения Святейшим Патриархом Тихоном) настоятеля церкви Александро-Невского общества трезвости иеромонаха Мануила (Лемешевского) (впоследствии митрополита Куйбышевского).

«...Было условлено, что хиротония его во епископа произойдет втайне в Архангельске, где жил тогда в ссылке митрополит Серафим (Чичагов).

Хиротонию эту осуществить не удалось, однако впоследствии, когда как бы воскрес из мертвых Патриарх Тихон, епископу Мануилу (Лемешевскому) суждено было стать одним из самых яростных и самых непримиримых борцов про-

тив обновленчества — за торжество патриаршей идеи в Петрограде...» (Краснов. Оч[ерки] обн[овленческого] дв[ижения] Русск[ой] Прав[ославной] Церк[ви]. Рукопись. М., 1960)¹.

Подобным образом («тайнообразующе») 12 (25).3 1923 г. была совершена хиротония в Пьянджикенте (Узб[екской] ССР) епископа Луки (Войно-Ясенецкого)², известного хирурга, которую осуществили ночью находившиеся в среднеазиатской ссылке епископы: Василий (Зуммер) Вязниковский³ и Даниил (Троицкий) Болховский⁴.

(По другим данным, хиротония эта совершена была в ташкентской кладбищенской «кафедральной» часовне.)

Нечто подобное связано было и с архиерейской хиротонией епископа Димитрия (Вологодского) Минусинского⁵ и т. д.

А. А. Соловьев

Борьба с «Живой церковью» в Саратовской епархии (1922—[19]23, 1933—[19]34 гг.)

Преступная смута, внесенная в жизнь Русской Православной Церкви так называемыми живоцерковниками, по своему внутреннему ничтожеству представляет собой явление, не имеющее реального значения для истории Церкви.

Реален, однако, тот значительный вред, которая она причинила Православной Церкви. Только значительностью этого вреда она и вошла в историю Церкви.

«Живоцерковная» смута была преступной как в смысле нарушения «живоцерковниками» важнейших канонов Церкви, так и в смысле совершения ими многих действий, имеющих характер уголовно наказуемых.

В корне ошибочно мнение, что будто бы «Живая церковь» представляла собой какое-то церковное движение, притом даже прогрессивное, стремившееся «оживить» религиозно-нравственную жизнь православных людей.

Ничего этого в действительности в «Живой церкви» не было, да и не могло быть, поскольку руководители ее лишь формально принадлежали к русскому духовенству, а в сущности были в большинстве своем людьми неверующими и беспринципными.

Это выявилось не только в характере их отношения к Церкви, но и в последовавшем формальном выходе многих из них из состава Церкви, с публичным отречением от христианства.

Ничего не дав положительного, «Живая церковь» в то же время причинила весьма значительный вред.

Во-первых, объявив свое самочинное «Высшее Церковное Управление» (ВЦУ) единственным законным высшим управлением Русской Православной Церкви, «живоцерковники» всячески препятствовали каноническому (Патриаршему) управлению Церковью, непрерывно внося и поддерживая этим смуту и нестроение в церковной жизни.

Во-вторых, в результате их клеветнических доносов и провокаций почти все православные епископы и множество священников и мирян подверглись суровым репрессиям: лишению свободы, ссылке и высылке.

В-третьих, захватывая насильно православные храмы, не считаясь с ясно и твердо выраженным нежеланием верующих иметь церковное общение с ними, «живоцерковники» тем самым приводили эти храмы в состояние непосещаемых, пустующих и на этом основании сдавали их государству для закрытия.

Наконец, своими систематическими безнравственными действиями они укрепили предвзятое отрицательное отношение представителей советской власти к духовенству вообще.

История борьбы с «живоцерковниками», в Саратовской епархии в частности, дает яркую картину того вреда, который они причиняли Православной Церкви во всех епархиях.

Часть первая (1922–[19]23 гг.)

В 1917 году, перед Октябрьской революцией, в Саратове богослужение совершалось в 32 церквях, в числе которых 19 было приходских, 4 монастырских, 5 при учебных заведениях, одна при военных казармах, кафедральный собор, крестовая, храм при кинонии и кладбищенская (=33. — *Сост.*).

В районе старого Саратова находились церкви: 1) Кирилло-Мефодиевская (при первой мужской гимназии, на углу Малой Сергиевской и Гимназической ул[иц]), 2) Сергиевская (на Б[ольшой] Сергиевской ул[ице], между Гимназической и Приютской), 3) Покровская (на углу Покровской и Введенской), 4) и 5) два храма при женском монастыре (большой новый храм, имевший вход с Покровской ул[ицы], и старинный храм в юго-восточном углу монастырского двора)⁶, 6) старый собор⁷ (на площади против Управления РУЖД⁸), 7) Казанская (на спуске Покровской ул[ицы] к Волге), 8) Никольская (на углу Б[ольшой] Сергиевской и Московской), 9) Михаило-Архангельская (на углу Московской и Полицейской), 10) храм кинонии (против Михаило-Архангельской).

В центре нового Саратова находились: 1) кафедральный собор⁹ (на площади, окруженной садом Липки), 2) крестовая церковь (при Архиерейском доме на Армянской ул[ице], между Никольской и Соборным переулком), 3) Петро-Павловская (на углу Московской и Александровской), 4) церковь при женском епархиальном училище (на М[алой] Сергиевской, между Никольской и Соборной), 5) церковь при семинарии (на М[алой] Сергиевской, уг[ол] Александровской), 6) церковь при 1-м реальном училище.

Далее от центра, в западном направлении, находились церкви: 1) Митрофаньевская (на площади за крытым рынком), 2) Маминская (на Астраханской ул[ице] близ Царицынской), 3) Серафимовская (на Астраханской ул[ице] близ сенного базара), 4) Князе-Владимирская (на восточном конце Астраханской ул[ицы]), 5) церковь при духовном училище (на углу Камышинской и Константиновской), 6) Александро-Невская (при военных казармах на Московской ул[ице]), 7) Ильинская (на восточном конце Ильинской ул[ицы]), 8) Красного Креста (в Солдатской слободке), 9) церковь за полотном железной дороги.

На горах, за Глебучевым оврагом, было пять церквей: 1) Спасо-Преображенская (над оврагом и берегом Волги), 2) Духосожественская, 3) Ново-Никольская, 4) Ново-Покровская, 5) Крестовоздвиженская.

В центре кладбища находилась церковь Воскресения Христова (поэтому и кладбище это называется Воскресенским).

Против кладбища, за полотном железной дороги, находился мужской монастырь¹⁰.

Рядом с монастырем был небольшой скит¹¹ с церковью (=33. — *Сост.*).

В 1922 году богослужение совершалось в 27 церквах (пять церквей при учебных заведениях были закрыты в начале Октябрьской революции, Александро-Невская церковь при казармах стала приходской) (27+5+1=33. — *Сост.*).

Управляющим епархией был преосв[ященный] Досифей (Протопопов)¹², Вольским викарием — преосв[ященный] Иов [Рогожин]¹³. В мужском монастыре жил епископ Николай [Позднев], викарий Петровский¹⁴, старец 75-ти лет, по своему преклонному возрасту не принимавший участия в управлении епархией.

Из духовенства я помню: настоятеля Сергиевской церкви о. Михаила Сошественского, настоятеля старого собора о. Иоанна Соколова, настоятеля храма при женском монастыре о. Павла Соколова и священника этого храма о. Владимира Захаркинского, настоятеля кафедрального собора о. Николая Русанова, ключаря собора о. Леонида Поспелова, соборного священника о. Валентина Быстренина, настоятеля Крестовоздвиженской церкви о. Михаила Протасова, священника этой церкви о. Михаила Соколова, настоятеля Петро-Павловской церкви о. Бегучева, священника этой церкви о. Леонида Фиалковского, настоятеля Маминской церкви о. Александра Тихова, священника этой церкви о. Владимира Знаменского, настоятеля крестовой церкви архимандрита Евфимия, настоятеля Серафимовской церкви о. Иоанна Вострикова, настоятеля церкви Красного Креста о. Николая Лебедева, настоятеля Духосошественской церкви о. Беляева, настоятеля Александро-Невской церкви о. Травинского, настоятеля Михаило-Архангельской церкви о. Загорского, настоятеля кладбищенской церкви о. Ледовского, настоятеля Никольской церкви о. Булова, настоятеля Митрофаньевской церкви о. Коноплева, священника этой церкви о. Соловьева, настоятеля Князе-Владимирской церкви о. Николая Исупова, настоятеля Ново-Никольской церкви о. Владимира Смирнова¹⁵, настоятеля Спасо-Преображенской церкви о. Анатолия Комарова, о. Александра Лебедева, назначенного настоятелем кафедрального собора вместо перешедшего к «живоцерковникам» о. Николай Русанова, архимандрита Николая, жившего в скиту; из уездного духовенства: о. Воробьева, о. Вячеслава Кортнева и Широкинского.

Первые «живоцерковники»¹⁶ объявились в Саратове в феврале 1922 года в связи с проводимой в то время кампанией по изъятию церковных ценностей в пользу голодающего населения Поволжья.

Это были: настоятель кафедрального собора о. Николай Русанов¹⁷ и епархиальный миссионер, настоятель кладбищенской церкви о. Ледовский*.

Все знавшие их были очень удивлены, т[ак] к[ак] почтенные протоиереи в прошлом ни в какой мере не проявляли никаких «либеральных» тенденций, а наоборот, казались принадлежащими к самой консервативной части саратовского духовенства.

* Имена их впоследствии фигурировали на процессе московских церковников, в допросе касательно Патриарха Тихона и т. д.

Собственно говоря, никакой внутренней связи между «живоцерковной» группировкой и изъятием церковных ценностей не было, однако именно оно было широко использовано «живоцерковниками» как для организации собственного самочинного «Высшего Церковного Управления», так и для борьбы со всеми отказывающимися подчиниться этому «Управлению».

«Живоцерковники» повсеместно выступали в качестве убежденных сторонников немедленной передачи государству всех оставшихся в храмах ценностей. Некоторые из них советовали сдать все ценности без исключения, заменив серебряные кресты деревянными, а чаши — стеклянными.

Русанов и Ледовский¹⁸, получив в свое распоряжение от горсовета автомашину, разъезжали на ней по церквам и усердно агитировали в пользу добровольной передачи церковных ценностей.

Этот вопрос горячо обсуждался во всех церквах на приходских собраниях, а также в кафедральном соборе.

Между тем с точки зрения советского законодательства он решался чрезвычайно просто.

Декретом ВЦИК от 10 (23) февраля 1922 года¹⁹ местным Советам предлагалось изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать органам Наркомфина для помощи голодающим.

Согласия верующих на это не требовалось, так что местным Советам оставалось лишь согласовать с верующими вопрос о том, какие предметы необходимо оставить в церквах, чтобы не нарушить богослужения.

Перед верующими, однако, был поставлен вопрос о добровольной передаче церковных ценностей государству.

Между тем для них этот вопрос решался далеко не так просто, как с точки зрения советского законодательства.

Патриарх Тихон обратился к верующим с воззванием, датированным 15 (28) февраля 1922 года²⁰, в котором указал, что передача церковных предметов государству для оказания помощи голодающим возможна (допустима), однако за исключением предметов, освященных и имеющих богослужebное употребление.

Это воззвание Патриарха не было призывом к сопротивлению против изъятия церковных ценностей, однако в нем не было и призыва сдавать добровольно церковные ценности. Скорее в нем чувствовалось отрицательное отношение к этому.

Преосвященный Досифей [Протопопов] нашел благоразумным не доводить о нем до сведения саратовского духовенства и мирян, опасаясь, по-видимому, дать повод для обвинения его в сопротивлении Декрету об изъятии церковных ценностей. Опасался он, по-видимому, и могущих возникнуть волнений и сопротивления против изъятия освященных церковных предметов²¹. (Такие волнения были вызваны воззванием Патриарха в других городах.)

Независимо от этого предложение сдать добровольно церковные предметы вызвало очень слабое сочувствие среди саратовского духовенства и мирян.

Этому было много причин.

Во-первых, само право мирян распоряжаться церковным имуществом, в особенности освященными предметами, было очень сомнительно.

Во-вторых, поскольку почти все имущество Церкви: здания, деньги, драгоценности — были уже взяты государством на основании Декрета от 10 (23) января 1918 года «Об отделении Церкви от государства»²², то представлялось справедливым, чтобы были изысканы иные способы и средства для оказания помощи голодающим.

В-третьих, церковные предметы принимались на слом, между тем их основная ценность заключалась не в металле, а в художественной работе. (При изъятии церковных имуществ в 1918 году в саратовских церквях было оставлено лишь небольшое количество церковных предметов из серебра: чаши, кресты, дарохранительницы, ризы на иконах.) Вместе с тем предстоящее при сломе уродование и уничтожение освященных предметов болезненно затрагивало религиозное чувство.

Несравненно лучше и выгоднее было продать или заложить церковную утварь заграничным православным церквям.

Впрочем, тяжелый вопрос о передаче церковных предметов мог быть решен почти безболезненно: верующие могли сдать свое домашнее серебро (ложки, портсигары и др[угое]) на вес, взамен церковных предметов, подлежавших изъятию, во всяком случае, его хватило бы на замену чаш и крестов.

Разрешение властей на это было получено, и сбор серебряных вещей начался довольно успешно, однако после разъяснения, что оставленные в храмах, вместо сданного серебра, предметы будут по-прежнему считаться принадлежащими государству, а не Церкви, а потому могут быть впоследствии изъяты, пожертвования серебряных вещей прекратились.

В общем, дело кончилось тем, что без каких-либо постановлений приходских собраний и церковных советов все саратовские церкви сдали в финотдел то церковное имущество, которое им предложили сдать работники адмотдела губисполкома.

В кафедральном соборе было взято несколько чаш, несколько крестов и дарохранительница прекрасной работы. С икон на царских вратах были сняты массивные серебряные ризы.

В других церквях также были в основном взяты серебряные чаши и кресты.

Приходские собрания по вопросу о передаче церковных предметов были очень бурными, фактическая же передача их прошла совершенно тихо, без каких-либо эксцессов.

Деятельность «живоцерковников» по оказанию помощи голодающим ограничилась усердной агитацией в пользу передачи церковных ценностей.

Между тем были иные, более эффективные способы оказать помощь голодающим.

Так, ключарь кафедрального собора о. Леонид Поспелов* решил лично отправиться на Украину для сбора пожертвований мукой в пользу голодающих.

* Впоследствии архиепископ Пензенский Кирилл (Поспелов); † в 1953 г.

Получив соответствующий мандат от ЦК Помгола²³, он быстро выехал на Украину, а недели через две вернулся, привезя с собой целый поездной состав с мукой.

За это он получил благодарственную грамоту от ЦК Помгола, а один вагон муки был выдан ему для распределения между нуждающимися по его усмотрению²⁴.

В мае месяце 1922 года Патриарх Тихон был арестован. В связи с этим он своим распоряжением от [29.4] 12.V 1922 г[ода]²⁵ поставил временно во главе церковного управления митрополита Ярославского Агафангела [Преображенского]²⁶.

Последнему, однако, был запрещен въезд в Москву, и он был лишен вследствие этого возможности фактически управлять Церковью.

Таким образом, Русская Православная Церковь оказалась лишенной фактического высшего церковного управления.

«Живоцерковники» этим воспользовались и стали с беспримечной дерзостью и бессовестностью утверждать устно и печатно в своем журнале, что Патриарх Тихон якобы передал им свои полномочия по управлению Церковью, а потому их «ВЦУ» является единственной законной высшей церковной властью.

По всем епархиям они назначили своих уполномоченных для организации епархиальных управлений из духовенства, признавшего их «ВЦУ».

В Саратов в качестве такого уполномоченного прибыл священник Коблов*, человек исключительной наглости, клеветник и пьяница. Склоняя саратовское духовенство к признанию «ВЦУ», он не стеснялся в способах, из которых излюбленным была постоянная угроза, что все не признающие «ВЦУ» и являющиеся тем самым сторонниками Патриарха Тихона будут арестованы как противники советской власти.

Всех не признающих «ВЦУ» «живоцерковники» стали звать «тихоновцами».

В таких условиях довольно значительная часть саратовского духовенства изъявила согласие войти в подчинение «ВЦУ», несмотря на его явную неканоничность, его самочинный характер, несмотря на очевидную нелепость и ложность утверждения «живоцерковников», что Патриарх Тихон якобы передал им свои полномочия.

Совершенно неожиданно к обновленцам перешел престарелый vicарный епископ Николай [Позднев], живший в мужском монастыре. Объясняли это тем, что «старик выжил из ума». По-видимому, такое объяснение было правильным, так как он вскоре от «живоцерковников» перешел к саратовским беглопоповцам, получив у них громкий титул «митрополита Саратовского и всея Руси».

В подчинение «ВЦУ» вошло духовенство церквей: Духосошестввенской, Ново-Покровской, Ново-Никольской, Крестовоздвиженской, Князе-Владимирской, Ильинской, Красного Креста, Александро-Невской и часть духовенства из других приходов.

Резко отрицательную твердую позицию по отношению к «живоцерковникам» сразу же заняли и неизменно сохраняли: о. Михаил Сошестввенский, о. Павел Соколов, о. Владимир Знаменский, о. Леонид Фиалковский.

* Впоследствии обновленческий «архиерей» (хир[отонисан] 16(29).5 1923 г.).

Другими, менее активными, но столь же твердыми противниками «Живой церкви» были: о. Иоанн Соколов, о. Владимир Захаркинский, о. Александр Лебедев.

О. Павел Соколов постоянно громил «живоцерковников» с амвона, а своих товарищей священников всячески убеждал не знаться с «живоцерковниками».

О. Михаил Сошественский оказывал большое личное влияние как человек, известный своей глубокой религиозностью и сильной молитвенностью.

Таким образом, саратовское духовенство разделилось на сторонников «ВЦУ» и сторонников Патриаршего управления.

Среди мирян же никакого разделения не было. Никто из них не признавал «ВЦУ». Все считали «живоцерковников» врагами Церкви и предателями, а потому вменяли себе в нравственную обязанность всячески бороться с ними для защиты от вреда, грозившего несомненно Церкви с их стороны.

Поэтому миряне полностью поддерживали духовенство, которое вело борьбу с обновленцами.

Руководящее значение в борьбе мирян против «живоцерковников» имел церковный совет при кафедральном соборе²⁷. Почти весь он состоял из интеллигенции. В него входили: инженеры Герасимов и Челинцев Ник[олай] Вас[ильевич], юристы Петров Алексей Алекс[еевич] и я, главный бухгалтер банка Бочаров, ветврач Вышеславцев Ник[олай] Иван[ович], экономист Бунин Ник[олай] Иван[ович], талантливый поэт религиозно-мистического направления Галкин Александр Ефим[ович], Шука Георг[ий] Алекс[андрович] — человек образованный, начитанный, глубоко религиозный, Булыгина Варвара Дим[итриевна] — женщина образованная, культурная, Прозветалова Мавра Георг[иевна] и староста Ивонтьев Павел Игн[атьевич].

В состав церковного совета входило также все духовенство собора.

В других церковных советах активное участие в борьбе с «живоцерковниками» принимали: Денисенко Петр Тих[онович] (совет храма киновии), бывш[ий] член Поместного Собора 1917 г[ода], Златорунский Ник[олай] Вас[ильевич] (совет Митрофаньевской церкви), бывш[ий] инспектор Саратовской семинарии, затем секретарь Консистории при еп[ископе] Досифее [Протопопове], исполнявший одновременно обязанности псаломщика при Митрофаньевской церкви, Константинов — староста крестовой церкви.

В конце апреля владыка Досифей [Протопопов] был арестован, несомненно, по проискам «живоцерковников», так как он решительно отказался подчиниться их «ВЦУ»²⁸.

Управление епархией он передал преосв[ященному] Иову [Рогожину], викарю Вольскому.

Преосв[ященный] Иов [Рогожин] стремился всячески отмежеваться от «живоцерковников», от их «ВЦУ», освободиться от всякого вмешательства со стороны «ВЦУ» в жизнь Саратовской епархии. Вместе с тем представлялось желательным освободиться и от необходимости формального подчинения Патриаршему управлению, которое фактически не осуществлялось, а в то же время давало повод обвинять его сторонников в нелояльности по отношению к советской власти.

Возникла мысль о провозглашении автокефалии Саратовской церкви, т[о] е[сть] о независимости ее ни от «ВЦУ», ни от Патриаршего управления. Со стороны церковных советов и части духовенства эта идея получила большое сочувствие.

Во всех храмах вопрос об автокефалии обсуждался на приходских собраниях. Затем были избраны делегаты на общегородское собрание духовенства и мирян.

Оно состоялось под председательством преосв[ященного] Иова [Рогожина], который был сторонником автокефалии, однако вопрос не был решен вследствие его значительной канонической сложности. Каноническая сторона вопроса была освещена в докладе Н. В. Златоунского. В своем докладе он трактовал вопрос об автокефалии в узком смысле, как о национальной автокефалии. Вопрос же стоял об автокефалии в ином, широком смысле, как о самостоятельном, независимом управлении епархией ввиду совершенно исключительных обстоятельств русской церковной жизни. Установление такой епархиальной автокефалии рекомендовалось, в частности, митрополитом Агафангелом [Преображенским] в его послании²⁹, которое в то время еще не было известно в Саратове.

Вскоре после этого собрания еп[ископ] Иов [Рогожин] уехал из Саратова на Северный Кавказ — на свою родину к терским казакам³⁰.

Осталось неизвестным, было ли официальное постановление о его высылке из Саратова.

С его отъездом обновленцы осмелели. Они захватили помещение, в котором находилась канцелярия епархиального управления. Под председательством еп[ископа] Николая [Позднева]³¹ начало действовать епархиальное управление, подчиненное «ВЦУ». В него вошли некоторые священники, ранее не признававшие «ВЦУ», в том числе ключарь нашего собора о. Л. Поспелов³².

Тогда церковный совет при кафедральном соборе, пользуясь правами, предоставленными мирянам по положению о коллективах верующих, в частности правом приглашать и увольнять священнослужителей, постановил: уволить священника Поспелова, вошедшего в состав «живоцерковного» епархиального управления, прекратить выдачу ему содержания и просить не являться более в храм для богослужения. Такое же постановление со значительным опозданием было вынесено в отношении Русанова, который, впрочем, после перехода к «живоцерковникам» в собор ни разу не являлся.

По примеру собора и другие церковные советы также уволили священников и дьяконов, признавших «ВЦУ».

Сделано это было очень быстро. Через каких-нибудь 2–3 недели у духовенства, порвавшего с Патриаршим управлением, осталось только два храма, в которых оно могло совершать богослужение: церковь Ново-Покровская и кладбищенская.

Несмотря на это, духовенство, лишившееся храмов, не отказывалось от подчинения «ВЦУ», но занимало выжидательную позицию. Некоторые же из них явились в свои приходские храмы и стали совершать в них богослужение, не считаясь с постановлениями церковных советов об их увольнении и не обращая внимания на протесты со стороны прихожан. Члены церковных советов растерялись: у них не хватало смелости и решимости оказать этим священникам

физическое противодействие, да и побаивались, как бы не закрыли те церкви, в которых богослужение не будет совершаться.

Впрочем, Г. А. Щука выгнал из Ильинской церкви явившихся служить священников, перешедших к обновленцам.

Вскоре по инициативе «живоцерковников» было созвано общее собрание всего саратовского духовенства как обновленческого, так и не признающего их «ВЦУ».

На это собрание миряне не допускались. Впрочем, мне все же удалось на него попасть, хотя и с некоторым опозданием. На собрании присутствовало человек пятьдесят священников и человек двадцать дьяконов. Обновленцы, по-видимому, уже высказались. Говорил их главный противник — о. Павел Соколов. С полной убедительностью он доказал явно незаконный, самочинный характер обновленческого «ВЦУ». На этом собрание и закончилось, так как никто из духовенства возражать о. Павлу не решился.

Итак, обновленцы получили решительный отпор как со стороны мирян, так и со стороны духовенства.

В это время мой брат, инженер, работавший линейным механиком флота Средней Волги, должен был отправиться по служебным делам по Волге до Симбирска. В его распоряжении был довольно большой служебный пароход. Мы жили с братом очень дружно, я не был связан службой, и он предложил мне проехаться с ним по Волге. Я согласился.

Брат ни в какой мере не сочувствовал моим церковным настроениям, я же не преминул воспользоваться случаем и побывать у Симбирского и Самарского епископов. От последнего я получил несколько экземпляров известного послания митрополита Агафангела [Преображенского], которому Патриарх Тихон, бывший под арестом, передал временное управление Церковью. В этом послании со всей ясностью указывалось на незаконный, самочинный характер обновленческого «ВЦУ», а епархиальные епископы уполномачивались, ввиду исключительных обстоятельств, на вполне самостоятельное управление своими епархиями.

Вернувшись в Саратов, я, конечно, немедленно поспешил с этим посланием в собор. День был воскресный. Шла литургия. На паперти собора и около дверей собора стояла взволнованная густая толпа. Протолкавшись к дверям, я увидел, что на них висит довольно большой лист бумаги с напечатанным на нем посланием обновленческого «ВЦУ», в котором с наглой лживостью опять утверждалось, что «ВЦУ» — это законная и единственная высшая власть в Русской Православной Церкви. Меня крайне возмутило, что обновленцы осмелились поместить на дверях собора такое послание. Я немедленно сорвал его и вместо него прикрепил на дверях собора отпечатанное в ярославской типографии послание митрополита Агафангела [Преображенского]. Народ зашумел. Откуда-то явились сторонники обновленцев. Они стали кричать, наши кричали еще сильнее, я тоже шумел, сцепившись с каким-то типом самой отвратительной наружности. Впоследствии в материалах дела по обвинению меня в «погромной агитации», кстати сказать, прекращенного, я читал донос этого типа на меня в органы ГПУ.

Тут я узнал, что в мое отсутствие обновленцы захватили собор, что в нем служит о. Л. Поспелов и что церковный совет не решается изгнать его.

Я тотчас пошел к о. Александру Лебедеву на квартиру и, заверив его в том, что не допущу в собор Поспелова, просил прийти и совершать богослужение, причём несколько ранее обычного времени, чтобы предупредить Поспелова.

Мы пришли с о. Александром в 4 часа 30 мин[ут]. О. Александр прошел в храм, а я остался сидеть на паперти. Понемногу молящиеся стали собираться, вскоре явился и Поспелов. Я встал ему навстречу и спросил: «Разве Вы не знаете постановления церковного совета о том, что Вы не состоите более священником собора?» Поспелов отвечал: «Постановление это мне хорошо известно, но я не придаю ему значения, а потому пришел и буду совершать богослужение». На это я сказал, что служит уже о. Александр, а его я в храм не допущу. Он попытался обойти меня, но я преградил ему дорогу. Тут подошел народ, узнал, в чем дело, и стал гнать о. Леонида. Он пригрозил мне составлением акта. Я изъявил полную готовность на это. Мы с ним прошли в помещение колокольни, и там я написал акт, в котором указал, что не допустил Поспелова в собор. Поспелов взял этот акт, мы вместе вышли из колокольни и пошли, продолжая наш спор. Вскоре о. Леонид сказал мне, что он меня жалеет, акт разорвал и советовал мне быть впредь осторожнее.

Как бы то ни было собор снова перешел в наши руки³³.

В то же время я просил совет крестовой церкви размножить как можно скорее на машинке послание митрополита Агафангела [Преображенского]. Его быстро перепечатала в 30-ти экземплярах машинистка Леонидова К. П., ярая противница «живоцерковников», усердная богомолка, постоянно бывавшая на богослужениях в крестовой церкви.

Перепечатанное послание митрополита Агафангела [Преображенского] было развешано во всех саратовских церквях и произвело очень сильное впечатление. Большинство духовенства, перешедшего к обновленцам (в том числе о. М. Протасов и о. М. Соколов), отказались от подчинения «ВЦУ». Остальных священников, не порвавших с «ВЦУ», церковные советы изгнали из храмов.

В это время «живоцерковники» стали усиленно ратовать за введение женатого епископата, и это еще более оттолкнуло от них народ и духовенство.

Опять «живоцерковники» остались с двумя храмами: кладбищенской церковью и Ново-Покровской.

Тут я узнал, что меня хотят привлечь к ответственности за распространение послания митрополита Агафангела [Преображенского]. Чтобы предупредить это, церковный совет собора возбудил ходатайство перед адмотделом исполкома о том, чтобы нам было разрешено напечатание этого послания в 500-х экземплярах.

Надо сказать, что послание это было напечатано в Ярославле с разрешения цензуры, о чем на нем имелась соответствующая отметка.

Разрешения мы не получили, а между тем стало слышно, что дело передано в ГПУ.

Положение церковных дел в Москве продолжало оставаться совершенно неизвестным. Поэтому решено было послать в Москву о. Александра Лебедева

и меня с тем, чтобы там, на месте, мы узнали, в каком положении Патриаршее управление и как нам следует бороться в дальнейшем с «живоцерковниками».

Мы быстро собрались и выехали в Москву.

Там я решил повидать, прежде всего, епископа Федора [Поздеевского]³⁴, бывш[его] ректора Московской духовной академии, человека высокоавторитетного и, как я узнал, твердого сторонника Патриаршего управления. Я виделся с ним в Даниловском монастыре после обедни. Он вполне одобрил нашу тактику борьбы с «живоцерковниками» и посоветовал мне побывать у [Николая Димитр[иевича] Кузнецова (юрисконсульта Синода)³⁵, дав мне его домашний адрес.

Кузнецова я застал дома и был очень любезно им принят. Он, как и еп[ископ] Федор [Поздеевский], одобрил наши действия в борьбе с «живоцерковниками», в частности увольнение их с использованием положения о коллективах верующих. По его словам, Москва тоже становилась на этот путь, т[о] е[сть] на тот путь, который был нами уже пройден. От Кузнецова я получил правовой материал: все, что имелось в то время по вопросу о положении Церкви в советском государстве. Впоследствии из этого материала я сделал выдержки (по просьбе о. Павла Соколова), которые были отпечатаны на машинке.

Затем мы с о. Александром отправились к проф[ессору] дух[овной] академии Попову³⁶, застали его дома и имели продолжительную беседу по интересующим нас вопросам. Очень скоро мы почувствовали, что Попов человек «не нашего духа». Мы убедились в этом, когда на наш вопрос о каноническом положении «ВЦУ» он начал подробно развивать мысль о том, что для Православной Церкви нужно не Патриаршее, а синодальное, коллегиальное управление и что не следует спешить с осуждением «живоцерковников». При этом он приводил примеры из истории Церкви.

Мы вышли от него окончательно убежденные, что он сторонник «ВЦУ». Так это и оказалось в действительности.

Перед отъездом из Москвы я решил побывать в V отделе НКЮ³⁷, ведающим вопросами по отделению Церкви от государства. Этим отделом заведовал т[оварищ] Красиков³⁸. У меня с собой был экземпляр напечатанного в ярославской типографии послания митрополита Агафангела [Преображенского]. Я решил показать его т[оварищу] Красикову, интересуясь, что он скажет, ознакомившись с содержанием этого послания.

Прочитав его, т[оварищ] Красиков сказал: «Что такое? Где это Вы достали? Да ведь это какая-то контрреволюция». На мой вопрос, в чем он именно усматривает контрреволюционный характер этого послания, т[оварищ] Красиков вместо ответа набросился на меня со словами: «Да кто Вы такой, чем Вы занимаетесь?» Я сказал, что, окончивши Саратовский университет, продолжаю заниматься правовыми науками. «Хорошо, — сказал Красиков, — мы напишем в Саратов, чтобы Вас удалили из университета. Как Ваша фамилия?» Я назвал. Он вынул записную книжку и написал в ней, как я хорошо видел, «Синицын» вместо «Соловьев». По-видимому, он лишь брал меня на испуг. Я откланялся. На прощанье он мне сказал: «Бросьте, молодой человек, бросьте заниматься этими делами».

В общем, у нас с о. Александром сложилось убеждение, что борьба против «живоцерковников», в особенности распространение послания митрополита Агафангела [Преображенского], нам даром не пройдет.

Действительно, уже на другой день после нашего возвращения в Саратов мы с о. Александром были арестованы³⁹. Одновременно арестовали и машинистку Леонидову, которая размножила на машинке послание митрополита Агафангела [Преображенского].

Впрочем, ее освободили через два дня, о. Александра — через две недели, а меня задержали в тюрьме на четыре месяца.

Первые сутки я находился в помещении при ГПУ, тогда же был и допрошен. Обвинение мне было предъявлено в том, что я возмущаю народ, однако чем именно, об этом не говорилось. Между прочим, следователь задал мне вопрос, как я расцениваю диалектический материализм. Я отвечал, что считаю это учение ложным.

На следующий день я был переведен в тюрьму и помещен в одну из камер в нижнем этаже так наз[ываемого] столыпинского корпуса. Потолки в камерах этого корпуса сводчатые, в виде конверта, что неприятно действует на настроение заключенных, полы — асфальтовые. В камере, в которую я был помещен, имелись лишь приделанные к стене небольшой столик и откидной стул. Койки не было, так что пришлось спать на полу.

Когда на следующее утро меня выпустили для прогулки вместе с другими заключенными на небольшой дворик при корпусе, то меня с любопытством окружила шпана, интересуясь, за что я арестован. Я сказал, что по церковным делам. На это один, шутя, заметил, что тут есть еще «по церковным делам» — Ванька: он обворовал церковь. Другой сказал, что, прочитав надпись над моей камерой «погромы», они были уверены, что из этой камеры выйдет какой-нибудь здоровенный мужичина — «громила», но, к их удивлению, вышел такой шупленький человек*.

Через несколько дней была врачебная комиссия, и меня перевели в тюремную больницу, где я находился не в плохих условиях до моего освобождения.

Пока я находился в тюрьме, был освобожден владыка Досифей [Протопопов]⁴⁰. Помню, что однажды он прислал мне караваев восемь ржаного хлеба для раздачи заключенным. Как мне передавали, он дал указание церквям, чтобы молились о моем здравии.

Через четыре месяца после дня моего ареста я был вызван на допрос к следователю при губсуде, который освободил меня под подписку о невыезде. На допрос меня водили два конвоира с обнаженными шашками.

Саратовской прокуратурой дело мое было производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Выйдя из тюрьмы, я с огорчением узнал, что почти все саратовские храмы опять перешли в руки «живоцерковников», в том числе и кафедральный собор. Большинство духовенства подчинилось «ВЦУ»; примирилась с ними и часть церковных советов. У нас осталось только восемь церквей, старый собор,

* В тюрьму я был направлен с обвинением в «погромной агитации», а над камерой сокращенно написали: «Погром». — *Примеч. авт.*

[нрзб.], Сергиевская, храм при женском монастыре, храм при кинонии, Старо-Покровская, Маминская и крестовая, перешедшая в небольшую старинную единоверческую церковь Михаила Архангела. Епископ Досифей [Протопопов] был выслан в Сибирь на пять лет⁴¹, а крестовая церковь при Архиерейском доме была закрыта.

Главной причиной такого «успеха» «живоцерковников» было отсутствие у нас епархиального епископа и фактическое отсутствие высшего церковного управления. Что мог, решал благочинный саратовских церквей о. Иоанн Соколов, вообще же управление епархией без епископа было совершенно невозможно.

Между тем к этому времени в состав «ВЦУ» вошли епископы, чем в известной мере затушевывалась его неканоничность.

Вопрос о второбрачии духовенства, поднятый обновленцами, нисколько не интересовал мирян. Переход обновленцев на новый стиль не составлял основания для раскола. Женатых епископов не было видно. Догматов веры и богослужения «живоцерковники» не касались. Таким образом, расхождения с ними как будто ограничивались областью административного управления Церковью.

В действительности же дело было гораздо серьезнее, и опасность для Церкви со стороны «живоцерковников» была очень значительна.

Всякий добросовестный и разбирающийся в церковных делах человек отлично это понимал.

Поэтому так крепко продолжали держаться против «живоцерковников» о. Павел Соколов, о. Михаил Сошественский, о. Иоанн Соколов, о. Александр Лебедев, о. Леонид Фиалковский.

Все это были люди одного склада: глубоко религиозные, твердо сложившихся убеждений, мужественные, прямые, дорожившие своим внутренним достоинством, готовые лучше принять тюрьму и ссылку, чем покривить душой.

Под стать им был Петр Тихонович Денисенко, крепкий старик лет 70-ти, член церковного совета при храме кинонии, бывш[ий] член Поместного Собора 1917 года, имевший благодарственную грамоту от Патриарха. П. Т. Денисенко был человек умный, смелый, глубоко религиозный. Долгие годы он работал в Управлении РУЖД, но в 1922 году был уволен после того, как смело и успешно выступил на общем собрании служащих против докладчика на антирелигиозную тему.

Со всеми этими стариками у меня и у моих друзей Бунина Н. И. и Шуки Г. А. были самые наилучшие, близкие отношения.

Здесь интересно отметить, что «живоцерковная» смута имела косвенно положительные результаты, которые, впрочем, не составляли ни в какой мере предмета желания самих «живоцерковников», а именно: 1) участвуя совместно в борьбе против «живоцерковников», верующие знакомились друг с другом, сближались, становились друзьями и с одинаковыми чувствами и убеждениями; лично я, например, приобрел в этой борьбе дружеское расположение Н. И. Бунина, А. Е. Галкина, Г. А. Шуки, П. Т. Денисенки, о. Павла Соколова, К. П. Леонидовой, П. Н. Кокуева, семейства Сидоренко; 2) в характере отношения к «Живой церкви» очень ясно выявлялось нравственное лицо каждого верующего, духовного и мирянина — она была как бы пробным камнем для их веры и совести;

3) в обновленчество ушли люди самые худшие в духовенстве: малодушные, маловерные и даже совсем неверующие. Церковь очистилась от них. Между тем, оставаясь формально в ней, они могли бы принести еще больше вреда, чем организовавшись в «Живую церковь».

Кафедральный собор был занят «живоцерковниками», однако наш церковный совет продолжал собираться на квартире у М. Г. Прозвешаловой и обсуждать меры, которые следовало предпринять против обновленцев.

Для всех было ясно, что нам совершенно необходим епископ.

В соседних епархиях из епископов, не признавших «ВЦУ», остался один епископ Уральский Тихон [Оболенский]⁴², живший в Покровске (на другом берегу Волги, против Саратова).

Избрали делегатов к нему: о. Павла Соколова от духовенства и меня от мирян, уполномочив нас просить еп[ископа] Тихона [Оболенского] принять на себя управление Саратовской епархией.

Мы переехали Волгу и явились к нему на домашнюю квартиру. Были приняты им очень любезно. Мы ему рассказали обо всех наших саратовских делах и убедительно просили его принять временное управление епархией в соответствии с церковными канонами, согласно которым, при невозможности сношения с высшим церковным управлением, епископы должны принимать управление над соседними, фактически «вдовствующими» епархиями. На все наши убедительные просьбы еп[ископ] Тихон [Оболенский] ответил решительным отказом. Он сказал нам: «Вы просите, чтобы я сел на горячую сковородку. Я не хочу». Мы сознавали, что всякий епископ, не признающий «ВЦУ», действительно мог очень быстро «испечься» в Саратовской епархии, но все же были сильно огорчены: во-первых, тем, что за обновленцами сохранялось то преимущество, что они имели епископа, а у нас его не было, а затем и некоторым малодушием еп[ископа] Тихона [Оболенского]. Кстати сказать, он вскоре бросил свою епархию и выехал в Москву. Впоследствии он вошел в состав Синода при митрополите Сергии [Страгородском] в качестве епископа Уральского, однако к епархии своей так и не возвращался*.

Итак, мы оставались без епископа. Единственной возможностью выйти из такого совершенно невыносимого положения было организовать во что бы то ни стало рукоположение новых епископов. Стали искать кандидатов. В то время в Саратове было два архимандрита: о. Евфимий, настоятель крестовой церкви и о. Николай, игумен небольшого скита, находившегося около мужского монастыря.

*Это неверно. Епископ (затем митрополит) Уральский и Покровский Тихон (Оболенский) в состав Временного Патриаршего Священного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском) не входил.

Со времени освобождения из заключения Святейшего Патриарха Тихона он состоял членом полуофициального (не зарегистрированного государственной властью) Патриаршего Священного Синода, а затем (недолго) находился в Москве при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре (Полянском), с которым, например, доставил в редакцию «Известий» известное «Завещание» почившего Патриарха (послание от 25.3 (7.4) 1925 г.).

Умер митрополит Тихон (Оболенский) в Москве, довольно скоро после кончины Патриарха, погребен в Софийском храме на Софийской набережной (против Кремля).

О. Евфимию было около 80-ти лет. Это был почтенный старец, но уж слишком дряхлый, к тому же почти без всякого образования. О. Николай был человек замечательный, имел славу прозорливца, к нему многие обращались за советами по разным жизненным вопросам. Я был у него однажды, и он произвел на меня сильное впечатление своей особенной способностью проникать в душу человека, с которым беседовал. По-видимому, он обладал значительной магнетической силой. Он имел много поклонников, среди которых особенно выделялась семья Ветвицких. Старший сын, высокий красивый юноша, был у него на положении служки. Дочь Нина была девушкой очень религиозной, как и ее мать.

К сожалению, о. Николай был слабенький, хворенький, и к тому же уродец: он был горбунчик, ростом аршина полтора. Это не мешало ему пользоваться всеобщим уважением, но для управления епархией, да еще в такое, как тогда, время, он был, конечно, неподходящ. Все другие монахи были люди простые, неученые. Среди вдовых священников были хорошие кандидаты: о. Павел усиленно выдвигал кандидатуру петровского священника Марина, бывш[его] члена Поместного Собора. О нем все говорили как о человеке очень образованном, умном и глубоко порядочном*. Другим кандидатом был сам о. Павел, к тому времени овдовевший.

Наконец, был еще кандидат, о. Анатолий Комаров, бывш[ий] законоучитель саратовской н<...>ой гимназии**. О. Анатолий ничем не выделялся, но было известно, что он давнишний кандидат в епископы, выдвигаемый преосв[ященным] Досифеем [Протопоповым].

С Мариным снеслись, но окончательного ответа от него не получили. Между тем жизнь не ждала. Тогда о. Павел дал согласие на рукоположение. Решено было пригласить для этого в Саратов двух епископов: Варлаама [*Пикалова*], бывшего лет пять тому викарием Вольским и жившего не у дел в г[ороде] Белеве у своих родителей⁴³, и еп[ископа] Иова [Рогожина], уехавшего на Кавказ. От обоих было получено согласие. При этом они, очевидно, учитывали то совершенно исключительно тяжелое положение, в котором находились православные епархии из-за отсутствия епископов.

Еп[ископ] Варлаам [*Пикалов*] приехал сам, а за еп[ископом] Иовом [Рогожиным] отправили Г. А. Шуку, как человека смелого, энергичного, всей душой ненавидевшего «живоцерковников».

Обновленцы как-то провели об ожидавшемся приезде еп[ископа] Иова [Рогожина] и, по-видимому, просили задержать его на вокзале. Между тем Шука предусмотрел возможность этого, а потому они с Иовом [Рогожиным] сошли на станции Разбойщина, верстах в 25-ти от Саратова, а оттуда приехали в Саратов на лошадях. Дня через два после его приезда, в скиту, ночью еп[ископ] Варлаам [*Пикалов*] и еп[ископ] Иов [Рогожин] рукоположили о. Павла, принявшего мо-

* В общем списке членов Священного Собора Православной Российской Церкви (Деяния. Кн. 1. Вып. 1. С. 77) под № 285 значится: «Марин Михаил Федорович — священник, законоучитель реального училища в гор. Петровске. — По избранию. — Клирик от Саратовской епархии. — 40 лет. — *Сост.*)». — Кандидат богословия. — Петровск Саратовской епархии».

Других (напр[имер], Денисенко П. Т.) — упоминаемых в записке — членов Собора 1917–1918 гг. в списке не числится.

** Впоследствии архиепископ Астраханский Андрей (Комаров).

нашество с именем Петра, во епископа Сердобского, а архимандрита Николая [Парфенова?]⁴⁴ во епископа Аткарского. (Сердобск и Аткарск — уездные города Саратовской губернии.) На хиротонии присутствовали только монахи скита и два-три человека из мирян (Шука, Вышеславцев и еще кто-то, не помню). Все хранилось в глубокой тайне и делалось как можно быстрее. На другой день после хиротонии Варлаам [*Пикалов*] и Иов [Рогожин] уехали из Саратова (через Разбойщину). Обновленцы не узнали о совершившейся хиротонии и, прождав Иова [Рогожина] недели две, по-видимому, успокоились.

Итак, у нас был епископ, однако было решено не объявлять об этом некоторое время. Хотелось, чтобы все окончательно успокоилось. Впрочем, владыка Петр [Соколов] нервничал, считая неудобным скрывать свое епископское достоинство. В таком положении прошло месяца полтора. Наконец, под Троицу⁴⁵ владыка Петр [Соколов] отслужил всенощную в крестовой церкви, сказав прекрасную проповедь в связи с началом своего епископского служения. А на другой день в Троицком соборе (старом) была совершена торжественная литургия и молебен. Под звон колоколов и среди тысячной толпы народа новый саратовский владыка «проследовал в свои покои» (он занимал квартиру в доме при женском монастыре, на углу Московской и Покровской ул[иц]). В саратовском церковном мире это произвело потрясающее впечатление. «Живоцерковники» были застигнуты врасплох и как-то растерялись. Совершенно не ожидало этого и то духовенство, которое вместе с церковными советами подчинилось обновленческому «ВЦУ». Теперь у этого духовенства отпало всякое оправдание дальнейшему подчинению «ВЦУ». Большое значение имел при этом и тот личный авторитет, которым еп[ископ] Петр [Соколов] пользовался среди саратовского духовенства.

В течение двух-трех дней все саратовские священники и дьяконы явились к владыке Петру [Соколову] с просьбой принять их в церковное общение. Не явилось лишь несколько обновленцев, которые, кстати сказать, были не саратовцами, а приезжими. Еп[ископ] Петр [Соколов] требовал от духовенства покаяния, соединенного с публичным признанием своей вины в храмах. Члены церковных советов — миряне принимались без всяких формальностей. Предполагалось, что и они принесут покаяние на своей исповеди. Не прошло и двух недель, как все саратовские церкви, за исключением кладбищенской, Ново-Покровской и кафедрального собора, были под управлением еп[ископа] Петра [Соколова]. После этого начало ежедневно приезжать духовенство и миряне из уездов. Люди толпились в квартире владыки Петра [Соколова] с утра до вечера: сидели в комнатах, в прихожей, сидели на лестнице. Примерно через месяц вся Саратовская епархия, за исключением двух-трех церквей в уездных городах, была присоединена. Стали приезжать верующие из других епархий. Приехала делегация из Астрахани. Из состава делегации я хорошо помню священника Карасева. Он был невысокого роста, худощавый, с красивым, умным и приятным лицом. Владыка Петр [Соколов] попросил астраханцев прийти на следующий день. Когда они вышли и мы остались вдвоем с владыкой, он сказал, обращаясь ко мне: «Ну как, Александр Александрович, что делать с астраханцами?» Я ответил: «Наверное, владыка, Вы еще не забыли, как мы ездили к еп[ископу] Тихону [Оболенскому] и

с каким огорчением вернулись от него, получив отказ?» У владыки этот вопрос, впрочем, был уже предreshен: он, не колеблясь, принял Астраханскую епархию во временное управление. Приезжало также духовенство и миряне из Уральской, Пензенской и Самарской епархий. Решено было принять и эти епархии, а тем временем как можно скорее рукоположить новых vikариев и разослать их по этим епархиям для управления. Опять послали просьбу о. Марину, обратились к о. Анатолию Комарову⁴⁶, просили согласия на рукоположение о. Михаила Протасова. Владыка всячески склонял его к епископству, однако тот согласия не давал. О. Анатолий был согласен, но почему-то не хотел принимать монашества, желая принять рясофор. Владыка Петр [Соколов] был очень недоволен этим. Он говорил: «Что он выдумывает, зачем ему понадобился рясофор? Коли решился стать епископом, так будь монахом». Все же о. Анатолий упорно толковал о рясофоре. Между тем необходимо было торопиться: ведь каждый день по проискам обновленцев нас всех могли арестовать.

Действительно, вскоре еп[ископ] Петр [Соколов] был арестован и вместе с ним человек пятнадцать священников и человек десять мирян — членов церковных советов⁴⁷. Я ждал со дня на день, что и меня арестуют.

Пользуясь тем, что я еще оставался на свободе, я составил от имени всех саратовских церковных советов обращение к Патриарху Тихону, который в конце июня освободился от ареста и вступил в управление Церковью⁴⁸.

В этом обращении мы извещали его о произведенных арестах, относя их всецело к клеветническим проискам «живоцерковников», и просили его защиты.

В один день я собрал подписи более половины оставшегося на свободе духовенства и большинства церковных советов. Собрать остальные подписи я поручил одному старцу по имени Виктор, который всегда сидел с Библией на паперти крестовой церкви. Его все знали, и он всех знал. Я наказал ему, чтобы, как только соберет подписи, немедленно принес бумагу ко мне на квартиру. На другой день утром он явился ко мне и передал обращение, однако без недостающих подписей. При этом он заявил, что боится, как бы его за эту бумагу не арестовали. Я огорчился его малодушием и положил обращение в письменный стол. В тот же день меня арестовали⁴⁹. При обыске это обращение к Патриарху не заметили, хотя оно лежало почти на виду. Впрочем, обыск производился небрежно. Я взял большой мешок, сложил в него белье, хлеб, сахар, вообще все продукты, какие были у нас и у соседей, взвалил этот мешок на плечи и отправился с конвоиром. Мы пришли в помещение ОГПУ. Когда я там был введен в большую камеру, меня с восторгом встретили мои друзья. Особенно их умилил большой мешок. Они говорили: «Видать, Вы надолго собрались, Ал[ексан]др Александрович». Я отвечал, что рассчитываю побыть месяца четыре.

Через два дня нас всех перевели в тюрьму и там разместили в четырехэтажном корпусе, состоящем в распоряжении ГПУ. Меня поместили в одну камеру с П. Т. Денисенко. На другой день утром всех заключенных стали выпускать на прогулку на небольшой дворик перед нашим корпусом. Перед нами выпускали тех, кто находился в 1-м и 2-м этаже, мы же были на третьем. И кого же мы увидели — древнего старца о. Евфимия, которого поддерживал иподьякон Павлик Гранкин, о. Михаила Сошественского, о. Иоанна Соколова, о. Леонида

Фиалковского, о. Владимира Знаменского, о. Владимира Захаркинского, дьякона Амехина, Златорунского, Челинцева, Бунина, Константинова, Ник[олая] Фед[оровича] Попова. Других я уже не помню.

Товарищ по заключению достался мне очень приятный. Петр Тихонович был увлекательный рассказчик, человек очень милый, а главное, к заключению своему относился совершенно спокойно. Был конец августа, погода стояла прекрасная, окно в камере было выставлено, воздух был отличный. Мы хорошо спали, дни же проводили в разговорах. Впрочем, иногда скучали. Через месяц Петра Тихоновича освободили, и я остался в камере один. Это было хуже. К тому же я видел, как через тюремный дворик уходили и другие из наших заключенных. На прогулке я никого из них не видел. Я подумал, что только одного меня оставили в тюрьме. Мне стало горько. Признаться в слабости, я заплакал. Впрочем, скоро ободрился. На другой день камера моя открылась, и мне скормандовали: «С вещами». Меня повели в другое крыло того же корпуса. Здесь мы остановились перед одной из камер, дверь открыли, и что же я увидел? Огромная высокая камера с двумя большими окнами была наполнена саратовским духовенством. Здесь были: владыка Петр [Соколов], священники Сошественский, Лебедев, Соколов, Знаменский, Фиалковский, Смирнов. Из мирян — Бунин и Челинцев. Было еще одно неизвестное мне духовное лицо. Оказалось, что это был еп[ископ] Варлаам [*Пикалов*], которого доставили в саратовскую тюрьму из Белева⁵⁰. Дня через два доставили и о. Вячеслава Кортнева⁵¹ из Разбойщины. Не хватало только еп[ископа] Иова [Рогожина] и Шуки. Владыка Петр [Соколов] шутя говорил, что «шука» уплыла. Его в то время в Саратове не было, и он поэтому избежал ареста.

Жизнь в этой камере была совсем иная, чем в тех небольших камерах, в которых мы сидели по двое. Здесь было шумно, оживленно, настроение у всех было бодрое. Внешние условия содержания были хорошие, режим тюремный легкий; впрочем, камера была закрыта. Помещение было чистое, светлое, просторное. Передачу мы получали в изобилии: от родных и знакомых, каждый день час гуляли во дворе, время проводили за чтением, беседой, игрой в шахматы. Священники иногда пели, причем, надо сказать, пели отлично. В субботу служили всенощную, в воскресенье утром обедницу, каждый день служили акафист святителю Николаю. Начальник корпуса был человек церковный и относился к нам очень мягко. Когда у нас служили всенощную, он разрешал другим заключенным стоять в коридоре у двери нашей камеры. На допрос нас, кроме владыки Петра [Соколова] и владыки Варлаама [*Пикалова*], не вызывали, а в середине декабря, под Николин день, нам было объявлено, что епископ Петр [Соколов] приговорен к трем годам заключения в лагерях, священники Знаменский и Фиалковский — к высылке из Саратова, все мы остальные освобождены⁵². С правой точки зрения наше четырехмесячное заключение было, конечно, вопиющим беззаконием, поскольку за все это время никого из нас даже ни разу не допрашивали.

Между тем, пока мы находились в заключении, о. Анатолий Комаров отправился в Москву и там был рукоположен во епископа с назначением временным управляющим Саратовской епархией⁵³.

Когда мы вышли из тюрьмы, у «живоцерковников» по-прежнему было лишь три храма: кладбищенская церковь, Ново-Покровская и новый собор. Из каких-то проходимцев они сколотили свои коллективы верующих.

Я считал необходимым изгнать их из всех храмов до одного. Кое-что уже делалось в этом направлении, но тут я не выдержал. Прошло уже два года после окончания мною Саратовского университета по правовому отделению, однако я все еще нигде не служил и жил на полном иждивении брата. Хотя я продолжал заниматься немного римским правом, но в сущности, кроме церковных дел, ничем не интересовался. Пора было работать по своей специальности. В Саратове устроиться на работу мне было очень трудно: уж слишком громкую я получил известность «заядлого церковника». В то же время я видел, что если я не прекращу вмешиваться в церковные дела, то меня обязательно опять арестуют. Попадать в третий раз в тюрьму было уже не под силу.

В это время в Саратов приехал по делам из Астрахани товарищ брата по службе инженер Розенберг. Посоветовавшись с братом, я решил уехать вместе с Розенбергом в Астрахань и там работать.

Перед моим отъездом все саратовское духовенство и церковные советы поднесли мне адрес и подарили образ Спасителя в серебряном окладе.

Часть вторая (1933–[19]34 гг.)

В Саратов я возвратился в 1930 году.

Живя и работая в Астрахани, я всей душой своей стремился в Саратов. Там у меня был родной брат, там у меня были друзья, большой круг товарищей и знакомых.

Неоднократно я проводил свой летний отпуск в Саратове, живя у брата или под Саратовом на дачах в Разбойщине. Не раз я бывал в Саратове проездом по делам службы. Таким образом, живя в Астрахани, я все время сохранял связь с родным городом.

Будучи в Саратове в 1926 году, я узнал от своего друга Н. И. Бунина, что Г. А. Щука скончался от кровоизлияния в мозг при выходе из Митрофаньевской церкви. Безвременная смерть в возрасте около 30-ти лет постигла его, несомненно, в связи с тяжелой контузией в голову, полученной им на войне. Не стало самого энергичного, самого боевого из саратовских тихоновцев. Мы с Буниным посетили его могилу на кладбище в дубовой роще около мужского монастыря.

В августе 1927 года, проезжая через Саратов в Ленинград во время отпуска, я узнал, что владыка Петр [Соколов], освободившись от заключения в Соловецких лагерях, поселился в Кирсанове (Тамбовской губ[ернии]), так как въезд в Саратов был ему воспрещен⁵⁴. Получив его адрес, я решил навестить его на обратном пути.

Сойдя на станции Кирсаново, я без труда нашел улицу и дом, в котором жил владыка. Улица была очень тихая, вся в зелени, в садах и огородах. В Кирсанове вообще тихо, как в селе, и весь город в зелени.

Владыка очень мне обрадовался. Он мало изменился, был по-прежнему крепким и бодрым. Я провел у него весь день, слушая его рассказы о пребывании в Соловецких лагерях.

С особенным восторгом он вспоминал об архиеп[ископе] Иларионе [Троицком], который одновременно с ним был в тех же лагерях. По словам владыки, арх[иепископ] Иларион [Троицкий] был молодой, физически очень сильный человек, высокого роста, красивый. Работая на лесозаготовках, он всегда с легкостью перевыполнял установленные нормы, всегда был в бодром настроении. О «живоцерковниках» он отзывался очень резко. По истечении срока заключения его оставили на Севере в ссылке. Владыка говорил, что смерть его — это великая утрата для Православной Церкви. Я лично слышал, что он, будучи замечательным оратором, с большим успехом выступал в Москве в диспутах с атеистами и «живоцерковниками».

Владыка Петр вспоминал, что Патриарх Тихон сделал ему выговор за хиротонию в 1923 году без разрешения высшей церковной власти. Хиротонию он утвердил, и выговор этот был, по-видимому, чисто формальным, так как Патриарх учел те совершенно исключительные обстоятельства, при которых была совершена хиротония (затянувшееся отсутствие фактического высшего церковного управления, полное отсутствие епископов в соседних епархиях). Ведь не один еп[ископ] Петр [Соколов] считал эту хиротонию необходимой для блага Церкви; такого же мнения были рукоположившие его епископы Варлаам [*Пикалов*] и Иов [Рогожин]; такого же мнения было саратовское духовенство. Благоприятные последствия этой хиротонии в борьбе с «живоцерковниками» были несомненны.

В 1928 году еп[ископу] Петру [Соколову] был разрешен въезд в Саратов⁵⁵, и он был назначен викарием преос[вященного] Фаддея [Успенского]⁵⁶, управлявшего в то время Саратовской епархией.

Весной 1930 года я, будучи в Саратове, навестил еп[ископа] Петра [Соколова]*. Он жил очень скромно: в небольшом деревянном доме на отдаленной улице, совершенно один, ведя лично свое несложное домашнее хозяйство. В это время он был уже управляющим Саратовской епархией, так как преос[вященного] Фаддея [Успенского] выслали из Саратова. Владыку Фаддея [Успенского] он очень хвалил, говорил, что это добрый человек, с чудным характером, что, когда он был викарием, тот заботился о нем. Надо сказать, что владыка Фаддей [Успенский], пробыв в Саратове всего около полугода, успел снискать к себе такую же всеобщую любовь, как и будучи в Астрахани. В 1931 году еп[ископ] Петр [Соколов] был переведен в Сталинград.

* По-видимому, именно во время этого свидания Преосвященный Петр (Соколов) рассказывал А. А. Соловьеву о своих встречах в Соловках с архиепископом Иларионом (Троицким) и горевал о безвременной кончине последнего.

Архиепископ Иларион (Троицкий) умер в тюремной больнице в Ленинграде (от сыпного тифа) 15(28).12 1929 г., поэтому при свидании А. А. Соловьева с Преосвященным Петром (Соколовым) в 1927 г. речи об этом быть не могло.

По-видимому, автор записки запямятовал, и беседу, имевшую место весной 1930 г., по ошибке отнес к 1927 году.

Впрочем, существа дела это не меняет.

Вернувшись в Саратов, я вращался в двух совершенно различных кругах: среди юристов, своих товарищей по университету и среди своих церковных друзей. С первыми у меня были обычные товарищеские отношения, со вторыми меня соединяла сердечная дружба, основанная на общности интересов: церковных и религиозно-философских. В церковной жизни мы активного участия не принимали. Впрочем, в этом и не было нужды, так как царило полное спокойствие. «Живоцерковники» забились на кладбище и ничем себя не проявляли.

В городе у них оставалась одна Ново-Покровская церковь. Кафедральный собор, переданный им в 1923 году, был закрыт как почти никем не посещаемый. Наверное, сами же «живоцерковники» сдали его адмотделу, ссылаясь на его непосещаемость, а тем самым ненадобность. Ни один из других храмов за годы НЭПа в Саратове не был закрыт. В остальных 24-х храмах богослужение совершалось духовенством, состоящим в каноническом подчинении Местоблюстителю (точнее, Заместителю Местоблюстителя. — *Сост.*) Патриаршего престола митрополиту Сергию [Страгородскому]. Едва ли в каком-либо другом городе было такое хорошее положение Церкви. Казалось, что наши труды 1922–[19]23 годов не пропали даром.

Управлял епархией митрополит Серафим [Александров] (Тверской), член Св[ященно]го Синода. Это был видный, красивый человек, служил он торжественно, но любовью же и уважением верующих не пользовался нисколько: с одной стороны, потому, что был высокомерен и замкнут, а главное, потому, что был ярким выразителем лицемерной политики митрополита Сергия [Страгородского], который сразу же в начале своего управления Церковью оттолкнул от себя верующих своим лицемерным посланием, в котором он, обращаясь к советскому правительству, писал, между прочим: «Ваши радости — наши радости, Ваши горести — наши горести»*. Хотя при этом имелись в виду успехи и трудности советского строительства, все же это звучало резко фальшиво после того, как десятки епископов и сотни священников и мирян, не совершивших никаких преступлений, были подвергнуты без всякого суда тюремному заключению и ссылке.

Мой друг П. Т. Денисенко сильно постарел. Ему было уже около 80-ти лет. Впрочем, он был еще крепок.

Я иногда навещал его и наслаждался его занимательными рассказами о жизненных случаях, в которых проявлялось действие сверхъестественных сил, а также его рассуждениями против атеизма. Материалы против атеистов он собирал и записывал в особую тетрадь, которая с годами стала очень толстой. Из этих материалов я помню печатную страничку из какого-то журнала, где сообщалось, что знаменитый биолог Геккель, издав свой альбом простейших животных, изобразил в нем несколько не существующих в действительности видов, в чем был уличен германскими учеными.

* Обычная в то время полусознательно-тенденциозная путаница. Эта одиозная фраза, как известно, относилась не к советскому правительству, а к нашей Родине, радости и горести которой — наши радости и горести (т[о] е[сть] людей верующих, русских — патриотов своей Родины).

Признавая подлог, он в свое оправдание ссылаясь на то, что совершил его с «благой» целью: утвердить научное, антирелигиозное миропонимание.

В этой же тетради, помню, было записано малоизвестное стихотворение митрополита Московского Филарета [Дроздова], являющееся ответом на известное стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты нам дана?».

Вот это стихотворение митрополита Филарета [Дроздова]:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Вспомнись мне, забытый мною,
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум*.

В 1932 году, в голодное время, Петр Тихонович скончался. За несколько дней до его смерти мы у него были с Буниным. При этом, чувствуя приближение смерти, он подарил мне свою Библию небольшого формата хорошего издания и тетрадь с материалами против атеистов.

Из других лиц, преданных Церкви, наиболее близкими у меня были: Н. И. Бунин, А. Е. Галкин, семья Сидоренко, П. Н. Кокуев и К. П. Леонидова.

В это время я занялся усиленно изучением всех богословских наук. Учебными пособиями снабжал меня о. Михаил Соколов. Познакомился я и с лучшими произведениями нашей богословской литературы: книгой о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины», сочинениями Тареева, Муретова, Светлова, Несмелова, Глубоковского. Большинство этих книг я приобрел, составляя собственную богословскую библиотеку, остальными пользовался из прекрасной библиотеки о. Михаила Протасова (в ней было не менее тысячи томов).

* Приведено автором не в точной редакции, поэтому помещаем далее как стихотворение А. С. Пушкина, так и полный стихотворный ответ на него митрополита Филарета (Дроздова):

А. С. Пушкин — митр[ополиту]
Филарету (Дроздову):
Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь обречена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум и сердце взволновал?
Цели нет передо мною;
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Митрополит Филарет (Дроздов)
А. С. Пушкину:
Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Душу сам наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забытый мною,
Просияй сквозь сумрак дум!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый ум!

После этого я стал писать для себя систему основных положений христианской догматики. Надо сказать, что это очень трудная работа, если она соединяется с критическим философским мышлением. В эти годы исключительной интенсивности мыслительной работы окончательно сложились мои религиозно-философские убеждения, сделав меня убежденным сторонником Православной Церкви.

Затем я занялся исследованием по книгам Священного Писания таких религиозно-философских понятий, как Слава Божия, Имя Божие, Слово Божие, Премудрость Божия.

Мои друзья Галкин и Бунин частенько заходили ко мне, и мы беседовали по самым глубоким интересующим нас вопросам религиозного сознания и религиозной жизни. Со временем к нам присоединился еще кое-кто из интеллигенции, одинаковой с нами по своим религиозным интересам и убеждениям.

В это время я написал две из задуманных мною небольших работ против атеизма: «Уничтожение материи» и «Материя и сила». Первую из этих работ перепечатала мне моя приятельница Леонидова.

Этим работам я предпослал очень резкое по содержанию предисловие, в котором писал, что материалистический атеизм — это идолопоклонство, безумие и сознательное или бессознательное служение Люциферу. Это предисловие, ввиду его чрезвычайной резкости, я вырвал из работы.

В церковной жизни все было внешне спокойно. Некоторую тревогу вызвало лишь предъявленное весной 1934 года требование горсовета о том, чтобы во всех храмах был немедленно произведен полный ремонт, под угрозой закрытия храмов в случае невыполнения этого распоряжения.

Деньги в церквях были, но купить строительные материалы и найти рабочих было делом очень трудным. Все же к началу осени все храмы были полностью отремонтированы и блистали своей белизной и свежевыкрашенными куполами и крышами.

Тогда работники адмотдела горсовета решили, очевидно, действовать «нахрапом», брать верующих «на испуг». Они стали вызывать членов церковных советов в горсовет и являться в храмы, требуя сдать немедленно ключи от церквей и написать одновременно заявление с просьбой принять храмы ввиду их малой посещаемости. При этом не обходилось без намеков, что в случае отказа к членам церковных советов будут применены репрессивные меры.

Члены четырех церковных советов по крайнему малодушию и глупости закрыли храмы и сдали ключи от них в горсовет.

Когда я узнал об этом, то не было пределов моему возмущению как безграничной наглостью работников адмотдела, так и позорным малодушием и глупостью членов церковных советов. Я хорошо помнил, в какой тяжелой борьбе мы отбивали эти храмы у обновленцев в 1923—[19]24 гг. Теперь же малодушные болваны отдали их собственными руками.

Вскоре ко мне на квартиру явился настоятель Князе-Владимирской церкви о. Николай Исупов с двумя членами церковного совета. Все это были люди старые. Они просили у меня совета, как им быть с требованием горсовета о передаче церковных ключей. Конечно, я разъяснил им, что требование горсовета

явно незаконно, что храм может быть закрыт против их желания при наличии серьезных к тому оснований, а не без всякого основания, что, наконец, ключи сдавать не следует уже по одному тому, что сначала надо сдать по описи все, что имеется в храме, угрозы же высылкой, сказал я, являются, по-моему, лишь запугиванием.

Старцы мои, однако, все сомневались. Они меня прямо спрашивали: «Ну как, Ал[ексан]др Александрович, Вы думаете: нам ничего не будет, нас не вышлют?»

Мне стало грустно. Я думал: какое малодушие, какая трусость, а ведь этим старикам и жить-то осталось лет пять, от силы десять. Мне хотелось сказать: «Чего вы трусите, какие же вы после этого христиане?» Этого, однако, я им не сказал, не сказал потому, что в 1922–[19]23 гг. я сам бросался впереди всех, а теперь я стоял за их спиной. Подталкивать других сзади я никогда себе не позволял. Все же я сказал им с грустью: «Да что же тут много толковать. Ведь дело-то все в вашей совести и в вашей вере, а что касается до высылки, то это вопрос второстепенный». Все старики смутились, покраснели, по-видимому, им стало стыдно. Они меня поблагодарили и ушли. Церкви своей они не отдали. Дня через два ко мне явились члены других церковных советов. Эти были тверже. Особенно хорош был Ив[ан] Ник[олаевич] Шолохов, сменивший Денисенку в совете при храме киноии. Он был такой же, как Денисенко, умный и спокойно самоотверженный человек. Мы быстро с ним сошлись и навсегда остались близкими друзьями. У этих людей не было колебаний: отдавать ли свой храм или не отдавать. Они пришли посоветоваться лишь о том, как им лучше бороться против незаконных требований горсовета. Я увидел, что оставаться долее в стороне от церковной жизни мне не приходится, хотя это и было связано с риском подвергнуться аресту, как в 1922 и 1923 годах.

После некоторых колебаний, вызванных тем, что у меня на руках был больной брат, я решил опять вступить в церковную борьбу, действуя прямо и твердо. Я написал жалобу в крайисполком на действия адмтдела горсовета, составил жалобу митрополиту Сергию [Страгородскому] и советовал послать к нему представителей церковных советов.

Теперь я прямо говорил: «Не слушайте гадов, не отдавайте церквей, лучше сесть в тюрьму, чем отдать храм собственными руками». Верующие ободрились. Послали жалобы, отправили людей в Москву, церквей не отдали. По нашим жалобам работники адмтдела, требовавшие сдачи ключей, были уволены. Мы успокоились. Впрочем, четыре церкви мы потеряли; их, конечно, нам не вернули, а затем снесли.

Спокойствие наше продолжалось недолго. Вскоре ко мне в юридическую консультацию явились члены совета Серафимовской церкви и рассказали следующее. Два дня тому назад, в то время, когда церковный сторож закрывал двери храма, явился обновленческий священник с толпой каких-то оборванцев и потребовал передать ему ключи от храма. Конечно, сторож отказался. Тогда оборванцы схватили его за горло и стали отнимать ключи насильно. Тот стал кричать, сбежался народ, оборванцев разогнали. Следует объяснить, откуда взялись эти оборванцы, пришедшие с обновленческим священником. Все саратовские «жи-

воцерковники» гнездились на Воскресенском кладбище. Там жило несколько их священников, там жил и их «епископ». Оборванцы тоже жили там — в полуразрушенных могильных склепах. Я написал жалобу саратовскому прокурору с просьбой привлечь обновленческого священника к ответственности за организацию насилий и хулиганства.

Вскоре такая же толпа оборванцев, притом даже, кажется, во главе с самим обновленческим «епископом», явилась во время обедни к Старо-Покровской церкви в воскресный день, т[о] е[сть] когда в храме бывает много народа. Эту толпу оборванцев оттуда прогнали, как и от Серафимовской церкви. При этом кое-кто из народа не удержался и пустил им вслед кирпичи, ребятишки же стреляли в них из рогаток с соседних дворов.

Когда мне об этом рассказали, я сразу понял, что это провокация со стороны обновленцев, имеющая целью возбудить волнение в народе и этим создать предлог для закрытия храма.

О. Леонид Поспелов, бывший в то время настоятелем Покровской церкви (он ушел от обновленцев в 1923 г[оду]), также сразу это понял и, опасаясь вторичного нападения, закрыл совершенно храм и прекратил службу.

Так же поступил и о. Влад[имир] Знаменский, бывший тогда настоятелем старого собора. Обновленческие оборванцы рыскали уже и около собора.

Закрыть храмы можно было, однако, лишь ненадолго, так как обновленцы, конечно, донесли бы властям, что у нас в храмах служба не совершается, следовательно, храмы нам не нужны, и потому их надо у нас отобрать. Вот это какие омерзительные были люди! Поэтому естественно, что у нас было к ним чувство сильнейшего отвращения. Я лично, как и покойный Щука, считал их самыми последними из людей.

Вскоре о. Леонид Поспелов был арестован. 15.XI 34 г[ода] арестовали и меня.

Мне было предъявлено обвинение в том, что я организовал у себя на квартире контрреволюционный кружок. Учтена была, конечно, и моя работа «Об уничтожении материи», в особенности предисловие к ней, которое, хотя и было вырвано, однако было найдено у меня при обыске и изъято. Учтено было и мое участие в церковных делах, в частности, участие в сопротивлении против закрытия храмов, о котором, по-видимому, догадывались. Поскольку в моих действиях не было состава преступления и передать дело на меня в суд не было основания, я надеялся, что отделаюсь высылкой из Саратова.

Наверное, так оно и было бы, поскольку все мои друзья продолжали оставаться на свободе.

С убийством Кирова положение совершенно изменилось. Мои друзья Бунин и Галкин были арестованы, арестована была и К. П. Леонидова, напечатавшая мою работу против атеизма. Арестован был также И. Н. Шолохов.

В мае месяце 1935 года нам был объявлен приговор ОСО при НКВД. Каждого из нас приговорили к трем годам заключения в испр[авительно]-труд[овых] лагерях, формулировав обвинение как участие в контрреволюционной группе.

Как я узнал впоследствии, Поспелов был сослан в Казахстан на пять лет. Сошественский и Захаркинский были высланы из Саратова.

В то же время был арестован владыка Петр [Соколов]⁵⁷, бывший тогда епископом Воронежским. Он скончался в воронежской тюрьме.

На этом не закончились репрессии против саратовских церковников.

Примерно через год один из видных ленинградских священников, высланный в Саратов, радушно принятый в глубоко религиозном семействе Сидоренко как человек, гонимый за веру, узнав от членов этого семейства, кто из верующих в Саратове отличается особенной религиозностью и преданностью Церкви, сообщил фамилии всех этих лиц краевому управлению НКВД. Все они были арестованы и приговорены ОСО при НКВД к длительным срокам заключения в лагерях. Сидоренко Лев Иванович и его старшая дочь Елизавета Львовна были приговорены к 10-ти годам каждый. Отец умер в лагерях, дочь пробыла в них 10 лет, а затем была реабилитирована. Муж ее, Кокуев Пав[ел] Ник[олаевич], был заключен в лагерь за год до этого.

Таким образом, ни один из моих саратовских церковных друзей тюрьмы не миновал, за исключением Г. А. Шуки, избежавшего этой участи лишь потому, что перешел отсюда в иной мир.

Эпилог

В настоящее время в Саратове богослужение совершается лишь в двух храмах: в старом соборе и в Духосшестввенской церкви. Остальные церкви снесены: кафедральный собор, Митрофаньевская церковь, Михаило-Архангельская, Сергиевская, Покровская, храм при кинобии, старая Михаило-Архангельская (бывш[ая] единоверческая Никольская) или перестроены, или заняты под склады.

С сердечной болью и глубокой грустью видишь, что все наши усилия сохранить их остались тщетными.

Некоторым утешением при этом служит то, что Церковь наша опять едина, монолитна, «живоцерковники» не существуют.

Утешает и сознание того, что в борьбе с врагами Церкви мы исполнили свой долг и сохранили свое достоинство, человеческое и христианское.

Соловьев Ал[ексан]др Ал[ексан]дрович. Рукопись. Астрахань. 1963 (?).

Дополнения к воспоминаниям о борьбе с «Живой церковью» в Саратовской епархии

Я ознакомил со своими воспоминаниями о борьбе с «Живой церковью» в Саратовской епархии некоторых из участников этой борьбы.

Они подтвердили, что в моих воспоминаниях правильно отражен ход событий и верно названы участники этих событий.

Вместе с тем они сообщили мне некоторые дополнительные сведения, а также сделали некоторые замечания и поправки.

Эти дополнения, замечания и поправки состоят в следующем.

1) В 1917 году в Саратове были, кроме упомянутых мною, еще церкви: Ново-Казанская (в Солдатской слободке), Благовещенская (в Агафоновском поселке), «Утоли моя печали» (небольшая, в виде часовни, при Архиерейском подворье), при Александровском ремесленном училище.

Кроме того, в Саратове были часовни: Знаменская (при Митрофаньевской церкви), Черниговская (на углу Никольской и Театральной площади), Ильинская (на верхнем базаре) и часовня около мужского монастыря, против кладбища.

2) Настоятелем Ильинской церкви был о. Николай Аксенов, настоятелем церкви во имя Иоанна Крестителя (Красного Креста) был после смерти о. Н. Лебедева прот[оиерей] Отаевский, а дьяконом в этой церкви о. Иринарх Введенский; фамилия настоятеля Михаило-Архангельской церкви — Крепкогорский (а не Загорский, как я указал ошибочно). О. Владимир Смирнов был настоятелем Ново-Покровской церкви, а не Ново-Никольской, и не Ново-Покровская, а Ново-Никольская церковь находилась непрерывно в руках у «живоцерковного» духовенства, пользовавшегося энергичной поддержкой со стороны церковного совета этой церкви, в особенности со стороны старосты Латухина.

За полотном железной дороги, в Клиническом поселке, находилась Христо-рождественская церковь, настоятелем которой был о. Виктор Руднянский.

Духовенство Митрофаньевской церкви состояло из настоятеля о. Николая Коноплева, священников о. Александра Попкова и о. Константина Соловьева, протодьякона о. Димитрия Соловьева и дьякона о. Василия.

3) В числе твердых противников «Живой церкви» следует упомянуть также настоятеля Маминской церкви о. Александра Тихова, дьякона о. Иринарха Введенского и дьякона Амехина.

4) Когда обсуждался вопрос об автокефалии Саратовской епархии, выдвигалось предложение войти временно в непосредственное подчинение Константинопольскому Патриарху.

Как утверждает бывш[ий] член церковного совета при кафедральном соборе Н. И. Бунин, с таким именно предложением выступал я на собрании верующих в нижнем храме кафедрального собора.

У меня лично это из памяти выпало.

5) Осенью 1922 года «живоцерковники» во главе с уполномоченным «ВЦУ» священником Кобловым заняли насильно кафедральный собор и стали совершать в нем богослужения.

Наш церковный совет обратился к саратовскому прокурору с жалобой на их самоуправные действия.

По этой жалобе прокуратура дала заключение в нашу пользу, и в соответствии с этим заключением нарсуд вынес решение, обязывающее «живоцерковников» освободить собор.

Не считаясь с этим решением суда, священник Коблов явился в собор и пытался войти в алтарь, заявляя, что он будет совершать богослужение, однако, встретив физическое противодействие со стороны члена церковного совета Бунина и других, удалился из собора.

Впрочем, вскоре Саратовский горсовет потребовал от нашего коллектива произвести ремонт собора на очень значительную сумму и, не получив немедленного согласия на это, передал собор коллективу «живоцерковников»⁵⁸.

6) После того, как кафедральный собор был передан «живоцерковникам», крестовая церковь стала центром саратовской церковной жизни. Здесь ежедневно вечерами совершались торжественные богослужения с общенародным пени-

ем. Служили все крестовские монахи во главе с престарелым архимандритом Евфимием. Часто служило и духовенство других церквей. Здесь говорили лучшие проповедники: о. Павел Соколов и о. Владимир Воробьев. Говорили проповеди и другие священники: о. Александр Лебедев, о. Владимир Смирнов, о. Анатолий Комаров.

Молящихся всегда бывало так много, что ими бывали заняты лестницы, которые вели в крестовую, находившуюся во втором этаже Архиерейского дома.

Так продолжалось несколько месяцев. Весной 1923 года крестовая церковь была по распоряжению властей закрыта, и все ее духовенство вместе с коллективом верующих перешло в небольшую старинную единоверческую церковь, находившуюся на Московской улице против храма Михаила Архангела.

7) В числе духовных лиц, находившихся в саратовской тюрьме в общей камере в сентябре–декабре 1923 г[ода], были также священники: о. Василий Беляев и о. Шанский⁵⁹, настоятель церкви «Иоанна Постного» на Увеке.

Теперь я вспомнил, что там был также священник из уезда по фамилии Ушаков⁶⁰.

8) Мои крайне резкие отзывы о «живоцерковниках» следовало бы несколько смягчить, выразившись, что многие (а не все) руководители «Живой церкви» были людьми неверующими и беспринципными и что в обновленчество ушли люди, в большинстве худшие из духовенства.

Таковы основные дополнения и замечания к первой части моих воспоминаний.

По второй части имеются следующие замечания и дополнения

1) Из моих воспоминаний неясно, когда и при каких обстоятельствах владыка Петр имел объяснение с Патриархом Тихоном по поводу хиротонии.

Это было, как мне сообщили, вскоре после того, как Патриарх Тихон, освобожденный от домашнего ареста, возобновил фактическое управление Церковью.

Узнав о состоявшейся хиротонии, он немедленно вызвал владыку Петра к себе в Москву.

При возвращении своем в Саратов владыка Петр был встречен группой верующих, в которой были, в частности, активные члены церковных советов Г. А. Шука и Н. И. Вышеславцев (присутствовавшие на хиротонии).

Владыка объяснил им, что Патриарх отнесся к нему в общем благожелательно, хиротонию утвердил, но все же дал ему выговор за то, что рукоположение произошло без разрешения высшей церковной власти.

Вернувшись в Саратов, владыка Петр продолжал управлять Саратовской епархией.

2) Архиепископ Иларион⁶¹ скончался в Ленинграде в больнице, при этапировании его на новое место ссылки, и похоронен на кладбище ленинградского б[ывшего] Новодевичьего монастыря.

3) Владыка Фаддей не был выслан из Саратова, а был переведен из Саратова в Тверь.

4) Митрополит Тверской Серафим (Александров) сначала не пользовался любовью и уважением верующих в Саратове, но отношение к нему резко изме-

нилось в положительную сторону после того, как он дал умный и сильный отпор епископу Борису Можайскому, пытавшемуся внести новый раскол в Саратове.

5) Следует особо отметить значительную деятельность священника Крестовоздвиженской церкви о. Михаила Соколова, который с прекрасными личными качествами соединял глубокую образованность, богословскую и философскую.

Он постоянно выступал на происходивших в то время в Саратове довольно часто публичных религиозных диспутах.

6) Владыка Петр был на Воронежской кафедре в сане архиепископа.

Примечания

¹ Подробнее о роли епископа Мануила в борьбе с обновленческим расколом в Петроградской епархии см.: *Кривошеева Н. А.* Роль епископа Мануила (Лемешевского) в разгроме обновленчества в Петрограде // Вестник ПСТГУ. М., 2009. Вып. II: 4(33). С. 101–141.

² Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович; 1877–11.06.1961), священноисповедник, архиепископ, доктор медицины, профессор. Церковное служение совмещал с работой хирурга. В 1923 г. тайно хиротонисан во епископа Ташкентского в г. Пенджикенте. В этом же году был арестован. 11 лет провел в тюрьмах и ссылках, где исполнял обязанности врача, проводил большую научную работу. С 1942 г. архиепископ Красноярский и Енисейский. С 1944 г. архиепископ Тамбовский и Мичуринский. Около двух лет совмещал церковное служение с работой в госпиталях. С 1946 г. архиепископ Крымский и Симферопольский. К концу жизни утратил зрение. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 г. причислен к лику святых.

³ Василий (Зуммер Вячеслав Иосифович; 1885–06.01.1924), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Суздальского, викария Владимирской епархии. Был арестован в 1922 (1923?) г. и сослан в Среднюю Азию. Скончался в ссылке.

⁴ Даниил (Троицкий Дмитрий Алексеевич; 1887–17.03.1934), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. С 1921 г. епископ Болховский, викарий Орловской епархии. В этом же году арестован. С 1922 г. временно управляющий Орловской епархией. В 1922 г. арестован, выслан в город Хиву; в 1926 г. выслан в город Кинешму. С 1928 г. епископ Рославльский, викарий Смоленской епархии, затем епископ Орловский; с 1931 г. епископ Брянский. С 1934 г. в сане архиепископа.

⁵ Димитрий (Вологодский Дмитрий Матвеевич; 1865–23.10.1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Минусинского, викария Енисейской епархии. Арестован в 1933 г., до 1935 г. находился в заключении в Минусинском трудпоселке. С 1936 г. в сане архиепископа. В 1937 г. арестован. Мученически скончался в Минусинском лагере.

⁶ В Саратовском Крестовоздвиженском женском монастыре было три храма: Крестовоздвиженский (соборный), храм во имя св. Параскевы и храм во имя св. Иакова, брата Господня.

⁷ Старый кафедральный Троицкий храм города Саратова.

⁸ РУЖД — Рязанско-Уральская железная дорога.

⁹ Александро-Невский кафедральный собор города Саратова (разрушен).

¹⁰ Саратовский Спасо-Преображенский мужской монастырь.

¹¹ Казанский Николо-Тихоновский скит при Саратовском Спасо-Преображенском мужском монастыре.

¹² Досифей (Протопопов Дмитрий Алексеевич; 1866–1942), архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1917 г. епископ Саратовский и Царицынский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1919–1930 гг. неоднократно арестовывался; до 1930 г. возведен в сан архиепископа; с 1930 г. на покое.

¹³ Иов (Рогожин Флегонт Иванович; 1883–20.04.1933), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В 1922 г. временно управляющий

Саратовской епархией. С 1923 г. епископ Пятигорский и Прикумский, с 1926 г. епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии. В 1926 г. арестован, освобожден через 8 месяцев. С 1927 г. единоверческий епископ Мстерский, викарий Владимирской епархии. В 1930 г. арестован, до 1933 г. находился в ссылке в Северном крае; в этом же году арестован и заключен в Соловецкий лагерь особого назначения.

¹⁴ Викарный епископ Николай (в миру протоиерей Петр Алексеевич Позднев; 1853–1934) титуловался Балашовским, а не Петровским; в 1922 г. ему было 69 лет. До 1921 г. служил в церквях города Саратова. В 1921 г. овдовел, был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, назначен обновленцами епископом Саратовским и Петровским, затем возведен ими в сан архиепископа. В 1923 г. перешел к старообрядцам беглопоповцам, став их первым архиереем. У беглопоповцев титуловался архиепископом Московским, Саратовским и всея России древлеправославных христиан Николой. Скончался в Москве, где и похоронен.

¹⁵ Согласно материалам дела ОФ 10269 (1923 г.) Архива УФСБ РФ по Саратовской обл., священник Владимир Смирнов был настоятелем Казанской церкви города Саратова.

¹⁶ Было бы точнее именовать их предтечами «живоцерковников» по отношению к описываемому периоду.

¹⁷ Николай (Русанов Николай Иванович; 1862–1933), обновленческий архиепископ. До уклонения в обновленческий раскол в 1922 г. протоиерей саратовского кафедрального собора. В 1926 г. хиротонисан обновленцами во «епископа Рыбинского», с 1927 г. обновленческий епископ Острожский, викарий Воронежской епархии. С 1928 г. обновленческий архиепископ. В 1930 г. уволен на покой, проживал в Ленинграде, где и скончался.

¹⁸ Ледовский Сергей Арефьевич, протоиерей, обновленческий священник Саратовской епархии, служил в Воскресенской кладбищенской церкви города Саратова.

¹⁹ Декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих».

²⁰ Имеется в виду послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей от 15 (28) февраля 1922 г. (см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994 (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви). С. 188–190.

²¹ Как свидетельствовал привлеченный по делу Святейшего Патриарха Тихона епископ Саратовский и Петровский Досифей (Протопопов), патриаршее послание от 15 (28) февраля 1922 г. он получил через архиепископа Уральского и Покровского Тихона (Оболенского), напечатанное на машинке, без подписи под ним Патриарха, а также без препроводительной бумаги от Священного Синода или Патриаршей канцелярии. Послание епископ Досифей не оглашал по следующим причинам. Еще до издания советской властью Декрета об изъятии церковных ценностей им, епископом «голодающей» епархии, по согласованию с губкомголом было сделано распоряжение пастве на общих приходских собраниях обсудить, что из церковных ценностей можно отдать на помощь голодающим. Употребление священных предметов на помощь голодающим, по его суждению, было делом милосердия и не могло быть названо святотатством; ссылку на 73-е апостольское правило и 10-е правило Двукратного Собора в патриаршем послании он считал неправильной. Тем не менее, получив патриаршее послание около 30 марта 1922 г. и таким образом ознакомившись с указаниями высшей церковной власти, он в дальнейшем никаких своих указаний по епархии в связи с изъятием не давал и даже навлек на себя обвинение органов ГПУ в умышленном замедлении передачи церковных ценностей государству (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-1780. Т. 1; Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. 23478).

²² Статьи 12 и 13 Декрета «Об отделении Церкви от государства» гласят: «12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или

центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

²³ ЦК Помгол — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИКе.

²⁴ Духовенство и верующие города Киева, где протоиерей Леонид Поспелов в мае 1922 г. сделал доклад о нуждах голодающих Поволжья, собрали 25 пудов муки для раздачи членам общины саратовского кафедрального собора (ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 86).

²⁵ Имеется в виду послание Святейшего Патриарха Тихона от 29.04(12.05).1922 митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) о временной передаче ему высшей церковной власти (см.: Акты... С. 214).

²⁶ Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854—16.10.1928), священноисповедник, митрополит. В 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии; с 1893 г. епископ Тобольский и Сибирский. С 1897 г. епископ Рижский и Митавский. С 1904 г. в сане архиепископа. С 1910 г. архиепископ Виленский и Литовский. С 1913 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. как член Святейшего Синода и Предсоборного Совета. В декабре 1917 г. возведен в сан митрополита. В марте 1918 г. избран членом Высшего Церковного Совета. В мае 1922 г., согласно распоряжению Патриарха Тихона, назначен Заместителем Патриарха. 16.05.1922 после ареста Св. Патриарха Тихона временно принял от него патриаршие права и обязанности. В июне 1922 г. заключен под домашний арест в городе Ярославле. С ноября 1922 по 1926 г. в ссылке в Нарымском крае. По завещательному распоряжению Св. Патриарха Тихона от 07.01.1925 назначен вторым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 г. причислен к лику святых.

²⁷ Имеется в виду церковный совет нового (Александро-Невского) кафедрального собора.

²⁸ Здесь А. А. Соловьев неточно излагает события весны 1922 г.

Епископ Саратовский и Петровский Досифей (Протопопов) в апреле был привлечен к следствию по делу № 347, начатому Саратовским губотделом ГПУ 1 марта 1922 г. Дело возникло в связи с тем, что временно исполняющим должность уполномоченного по правовым партиям и духовенству Саратовской ГубЧК А. Тимофеевым была перехвачена посланная епископом Досифеем Святейшему Патриарху Тихону в апреле 1921 г. по почте апелляция жалоба С. М. Казакова по бракоразводному делу. Материалы перехваченной корреспонденции свидетельствовали о том, что образованная при Преосвященном Досифее после закрытия 16 июня 1920 г. епархиального совета канцелярия ведет следствие по бракоразводным делам. Это дало повод ГПУ обвинить епископа Досифея и сотрудников его канцелярии в нарушении Декрета об отделении Церкви от государства, а также циркуляра Наркомюста от 18 мая 1920 г. Дело находилось в «агентурной разработке» с июля 1921 г. 12 апреля 1922 г. епископ Досифей был допрошен, но арестован не был. Вскоре епископ Досифей был обвинен в контрреволюционной пропаганде и «в неадаче руководящих нитей по епархии в пользу изъятия» церковных ценностей. 16 мая на него в ГПУ было заведено личное дело, а 30 мая открыто следственное дело № 12/с (6 июня дело № 347 было приобщено к этому новому делу). Сотрудники канцелярии епископа Досифея (протоиерей Н. Коноплев, Н. В. Златогорский, П. Е. Рождественский и др.) 1—2 июня 1922 г. были арестованы, на епископа Досифея 1 июня был наложен домашний арест со строгой изоляцией. Допрашивались епископ Вольский Иов (Рогожин) и епископ Уральский и Покровский Тихон (Оболенский). После 15 июня семь обвиняемых были освобождены под подписку о невыезде, а епископ Досифей 17 июня был помещен в Саратовский губисправдом. Всех подсудимых было решено привлечь к ответственности через Саратовский губернский ревтрибунал.

После ареста епископа Досифея было организовано Церковное управление Саратовской епархии; 8 июня 1922 г. епископ Вольский Иов и протоиерей Н. Русанов от лица этого органа обратились в губисполком с просьбой о передаче им дел канцелярии епископа Досифея; 10 июня дела были сданы протоиерею Н. Русанову.

3 июля 1922 г. протоиереем Н. Русановым от ВЦУ был получен мандат № 338 на прове-

дение собрания группы «Живая церковь» совместно с представителями города Петровска. На собрании 11 июля было образовано «Временное управление Саратовской церкви», в состав которого вошли епископ Балашовский Николай (Позднев) (председатель), протоиереи Н. Русанов, С. Ледовский, Л. Поспелов и священники П. Данилов и П. Гальянов. Этим органом епископ Иов (Рогожин), отказавшийся выдать обновленцам епархиальную печать, был уволен от управления Саратовской епархией (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. 23478; ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 1).

²⁹ Послание Патриаршего Заместителя митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) от 05(18).06.1922 о вступлении его во временное управление Православной Русской Церковью (см.: Акты... С. 219–221).

Имеется в виду фраза из послания: «Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти. Окончательно вершите дела, по которым испрашивали прежде разрешения Св. Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смиреннию».

³⁰ Описываемые А. А. Соловьевым события могли иметь место в мае–июле 1922 г. В начале мая епископ Иов приехал из Вольска в Саратов к епископу Досифею с докладом. Епископ Балашовский Николай к этому времени заболел, и поэтому епископу Иову было поручено вести его дела. Преосвященный Иов задержался в Саратове. Когда епископ Досифей 1 июня 1922 г. был заключен под домашний арест со строгой изоляцией, епископ Иов возглавил Церковное управление Саратовской епархии, но вскоре был отстранен от управления живоцерковниками, образовавшими свой орган власти в Саратове — обновленческое Временное церковное управление. На собрании духовенства под возглавием епископа Вольского Иова 12 (13?) июля 1922 г. было заявлено о прекращении молитвенного общения с епископом Балашовским Николаем, протоиереями Н. Русановым и Л. Поспеловым. Живоцерковники, действовавшие при поддержке губернского исполкома и губернского отдела ГПУ, добились удаления епископа Иова из Саратова, и, видимо, не позднее 19 июля 1922 г. он вынужден был выехать из Саратовской губернии (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. 23478; ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 2–5, 64).

³¹ Согласно документу д. 197 (РГИА. Ф. 831. Оп. 1), епископ Балашовский Николай (Позднев) 19 июля 1922 г. был назначен обновленческим ВЦУ управляющим Саратовской епархией и не позднее 21 августа того же года «епископом Саратовским и Петровским» (ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26).

³² Кирилл (Поспелов Леонид Николаевич; 1876–1965), архиепископ Пензенский и Саранский. С января 1914 г. священник Александро-Невского собора и законоучитель саратовской гимназии. С 1916 г. благочинный церковью Саратова. Был ключарем саратовского кафедрального собора. В 1921 г. был членом Саратовского губернского комитета помощи голодающим. Недолго участвовал в обновленческом движении, состоял членом саратовского обновленческого епархиального управления, но уже в 1923 г., принеся покаяние, вернулся в Патриаршую Церковь. В 1934 г. был арестован, приговорен к трем годам лишения свободы, срок отбывал в одном из лагерей Казахстана. В 1937 г. вновь осужден — к 8 годам лишения свободы. Весной 1944 г. был вызван в Москву в Патриархию и пострижен в монашество, хиротонисан во епископа Пензенского и Саранского. С 1944 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский. С 1946 г. епископ Ивановский и Шуйский. С 1947 г. вновь епископ Пензенский и Саранский. С 1951 г. в сане архиепископа.

³³ Описываемые события произошли во второй половине августа 1922 г. В отношении, направленном в Саратовский губисполком 24 августа 1922 г., члены обновленческого Саратовского епархиального управления сообщают об отстранении от служения в кафедральном соборе протоиереев Русанова и Поспелова, а также о том, что не подчинившиеся им церковные общины «в основу своей контрреволюционной деятельности... полагают воззвание архиепископа Ярославского Агафангела» (ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 36 об.).

³⁴ Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; 1876–23.10.1937), архиепископ. В 1909 г.

хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1909—1917 гг. ректор МДА, с мая 1917 г. настоятель Московского Данилова монастыря. В 1917—1918 гг. член Священного Собора Православной Российской Церкви по избранию от монашествующих. В 1920—1925 гг. неоднократно арестовывался. В августе 1923 г. возведен в сан архиепископа; в октябре этого же года назначен управляющим Петроградской епархией; от назначения отказался. В 1925—1927 гг. находился в ссылке. После 1927 г. возглавил «даниловскую оппозицию» Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1929—1932 гг. в заключении в Свирлаге. В 1933 г. вновь арестован и отправлен в ссылку. В июле 1937 г. арестован и 23.10.1937 г. расстрелян.

³⁵ Кузнецов Николай Дмитриевич (1863—05.01.1930 (1936?)), присяжный поверенный, профессор, магистр богословия, член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1906 г. член Предсоборного Присутствия. В 1918—1919 гг. был членом Комиссии по сношению с СНК, назначенной Священным Собором Православной Российской Церкви 1917—1918 гг., а также членом исполнительного бюро Совета объединенных приходов Москвы. В 1919 г. арестован по делу Совета объединенных приходов Москвы (дело Самарина — Кузнецова). В январе 1920 г. приговорен к расстрелу; расстрел был заменен заключением в лагере; в 1921 г. освобожден по амнистии. Выполнял поручения Высшего Церковного Управления Православной Российской Церкви юридического характера. В 1924 г. вновь арестован; в 1925 г. приговорен к трем годам ссылки. В 1928 г. упоминается как участник последних религиозных диспутов в Москве. Умер в ссылке.

³⁶ Имеется в виду Попов Николай Григорьевич (1864—1932), протоиерей, магистр богословия. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. как член Предсоборного Совета. С 31.12.1898 священник Николаевской церкви при Московском училище инженеров путей сообщения. С 1906 г. профессор гражданской истории Византии того же училища. В 1918—1922 гг. преподавал в Православной народной академии. Клирик Богоявленского храма в Елохове. В 1920—1922 гг. профессор Московской духовной академии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. Член комитета «Живая церковь», член обновленческого Московского епархиального управления. Участник и докладчик на обновленческих лжесоборах 1923 г. и 1925 г. С ноября 1923 г. профессор церковной истории, а затем патрологии и каноники в обновленческой Московской богословской академии. С 1925 г. член обновленческого Св. Синода. С 1927 г. обновленческий протопревитер. Скончался в Москве, погребен на Ваганьковском кладбище.

³⁷ На V (так называемый ликвидационный) отдел Народного комиссариата юстиции было возложено руководство и наблюдение за проведением в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства.

³⁸ Красиков Петр Ананьевич (1870—1939), советский политический деятель. С 1918 г. руководитель V отдела НКЮ, заместитель Наркома юстиции. С 1924 г. прокурор Верховного суда. С 1933 г. заместитель Председателя Верховного суда СССР.

³⁹ Согласно материалам архивно-следственного дела 1923 г. (ОФ 10269), протоиерей А. Лебедев был арестован в августе 1922 г.

⁴⁰ Согласно документам дела 26 (ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4), епископ Досифей (Протопопов) был освобожден Саратовским губернским ревтрибуналом под поручительство коллектива верующих, с условием пребывания до суда в городе Саратове, и проживал в Архиерейском доме; 18 октября 1922 г. председателем Саратовского губисполкома И. П. Ерасовым ему было разрешено выехать на родину в Смоленскую губернию.

⁴¹ Епископ Досифей был выслан в с. Колпашево Нарымского края (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁴² Тихон (Оболенский Иван Иванович; 1856—1926), митрополит. В 1901 г. хиротонисан во епископа Николаевского, викария Самарской епархии. С 1908 г. епископ Уральский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. С 1918 г. архиепископ Уральский и Николаевский. В 1923 г. выслан в Москву без права выезда. В 1924 г. возведен в сан митрополита. С мая 1924 г. член Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Св. Патриархе Тихоне.

⁴³ Сведения, которые приводит А. А. Соловьев о епископе Варлааме (Пикалове), являются неточными. Епископ Варлаам (Пикалов Константин Васильевич; 1885–02.08.1946) в 1915–1921 гг. был настоятелем кинонии в Саратове, в 1921 г. хиротонисан во епископа Новосильского, викария Тульской епархии, в 1922 г. назначен епископом Ефремовским; в Саратов в марте 1923 г. епископ Варлаам прибыл из Ефремова (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269). В 1925–1943 гг. находился в лагерях и ссылках. С 1936 г. архиепископ Рыбинский; в том же году арестован и заключен в лагерь. С 1943 г. архиепископ Свердловский. В 1944 г. вновь арестован. Скончался в Нижне-Тагильском лагере.

⁴⁴ Николай (Парфенов Владимир Васильевич; 1879–1939), епископ. С 1906 г. послушник в скиту при Саратовском Спасо-Преображенском монастыре, затем настоятель Саратовского Спасо-Преображенского монастыря в сане архимандрита. В 1923 г. хиротонисан во епископа Аткарского, викария Саратовской епархии. С 1927 г. проживал в Киеве. В 1933 г. арестован. После освобождения проживал в городе Киржаче Владимирской области. В 1936 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения. Скончался во Владимирской тюрьме.

⁴⁵ День Святой Троицы в 1923 г. праздновался 14 (27) мая.

⁴⁶ Андрей (Комаров Анатолий Андреевич; 1879–17.07.1955), архиепископ. В 1923 г. был арестован. В 1924 г. Св. Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии. В 1925 г. арестован. До 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии, затем епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. В 1930–1931 гг. в тюремном заключении. С 1933 г. епископ Астраханский. С 1934 г. в сане архиепископа. В апреле 1939 г. был внезапно уволен на покой, служил в приходской церкви. Арестован в 1941 г., освобожден по ходатайству митрополита Сергия (Страгородского). С 1941 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский, затем архиепископ Саратовский. С 1942 г. архиепископ Казанский. С 1944 г. архиепископ Днепропетровский и Запорожский.

⁴⁷ Епископ Сердобский Петр (Соколов) был арестован 25 июля 1923 г., вместе с ним в Саратове были арестованы десять священнослужителей и четверо мирян; за арестами в Саратове последовали аресты духовенства и мирян в уездах Саратовской губернии (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁴⁸ Патриарх Тихон был освобожден из заключения во Внутренней тюрьме ГПУ 27 июня 1923 г.

⁴⁹ А. А. Соловьев был арестован 2 сентября 1923 г. (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269. Л. 309 об.).

⁵⁰ Сведения, которые приводит здесь А. А. Соловьев, являются неточными. Епископ Варлаам (Пикалов) после участия в хиротонии епископов Петра (Соколова) и Николая (Парфенова) не выезжал из пределов Саратовской губернии; с 17 мая 1923 г. до дня ареста 10 августа 1923 г. он проживал в деревне Беленькое Саратовского уезда в семье своей духовной дочери А. И. Маркеловой (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁵¹ Священник Вячеслав Кортнев был заключен в Саратовский губисправдом 17 сентября 1923 г. (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁵² Согласно выписке из протокола Комиссии НКВД по административным высылкам от 7 декабря 1923 г., епископ Петр (Соколов) был приговорен к трехгодичному заключению в концлагере, священник В. Знаменский лишен права проживания в Саратовской губернии на два года, а священник Л. Фиалковский освобожден (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. 10269).

⁵³ Пока арестованные вместе с епископом Петром (Соколовым) священнослужители и миряне находились в заключении под следствием в Саратовском губернском исправдоме, архимандрит Виссарион (Зорин) был хиротонисан в викарного епископа Вольского и назначен временно управляющим Саратовской епархией. В сентябре 1923 г. он прибыл в город Вольск, где епархиальная жизнь была расстроена вследствие пребывания в городе обновленческого епископа Михаила (Постникова). 16 октября Св. Патриархом Тихоном было предложено епископу Виссариону приложить особое попечение о городе Балашове с его уездом, по временам проживая там. Преосвященный Виссарион преимущественно проживал в городе Вольске, епархиальный же центр уже второй год (за исключением двухмесячного открытого

служения епископа Сердобского Петра (Соколова) в Саратове) оставался без православного архиерея. В декабре 1923 г. в Москву был вызван вдовый саратовский протоиерей Анатолий Комаров, которому Святейшим Патриархом Тихоном и Священным Синодом было предложено принять монашество и рукоположение в викарного епископа Саратовской епархии, с жительством в городе Саратове.

На предложение Его Святейшества и Священного Синода протоиерей Анатолий Комаров ответил согласием и по прибытии в Москву 11 (24) января 1924 г. был пострижен в мантию с именем Андрей архимандритом Анемподистом (Алексеевым) в Донском монастыре. 14 (27) января 1924 г. была совершена архиерейская хиротония о. Андрея (Комарова) во епископа Балашовского, после которой он выехал в Саратов.

Временно управляющий Саратовской епархией епископ Вольский Виссарион 21 января 1924 г. отбыл в город Кузнецк. В период его пребывания в Кузнецке к нему поступили ходатайства от духовенства и коллективов верующих Городищенского уезда Пензенской губернии и Сызранского уезда Симбирской епархии, не имевших православного архипастырского руководства, о принятии их под покровительство. В рапорте Св. Патриарху Тихону от 3 февраля 1924 г. он просил у Его Святейшества указаний по этому вопросу. Согласно резолюции Св. Патриарха от 8 февраля 1924 г., епископ Виссарион получил благословение иметь попечение о приходах Сызранского уезда Симбирской епархии.

Постановлением Св. Патриарха Тихона и Св. Синода уезды Саратовской епархии 23 февраля 1924 г. были распределены между двумя Саратовскими викариями: в ведении епископа Балашовского Андрея (Комарова) должны были находиться город Саратов и уезды Балашовский, Сердобский, Аткарский, Петровский и Камышинский, в ведении епископа Вольского Виссариона (Зорина) — город Вольск с уездом, Хвалынский и Кузнецкий уезды Саратовской губернии, а также приходы города Сызрани и Сызранского уезда Симбирской епархии.

Из Кузнецка в Вольск епископ Виссарион не возвратился, а выехал в Москву и вскоре был перемещен на Омскую и Павлодарскую кафедру, после чего 6 марта 1924 г. епископ Балашовский Андрей (Комаров) был назначен временно управляющим Саратовской епархией (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 220; Ф. 831. Оп. 1. Д. 246. Л. 73; Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 12, 44—45, 93—95).

⁵⁴ Постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ СССР от 19 ноября 1926 г. епископ Петр (Соколов) после освобождения из лагеря был лишен права проживания в 6 пунктах и Саратовской губернии (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁵⁵ Постановлением Коллегии ОГПУ СССР от 23 декабря 1927 г. срок ссылки епископу Петру (Соколову) был сокращен на одну четверть (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁵⁶ Фаддей (Успенский Иван Васильевич; 1882—31.12.1937), священномученик, архиепископ. В 1908 г. хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского, викария Волынской епархии. С 1919 г. управлял Волынской епархией. Арестован в 1921 г. Выехал в Москву. В 1922 г. арестован в Москве и сослан в Усть-Сысольск. С 1923 г. архиепископ Астраханский. В 1926 г. арестован в Саратове и выслан в Кузнецк. С 1928 г. архиепископ Саратовский, затем архиепископ Тверской и Кашинский. В 1936 г. властями был лишен права совершать богослужения. В 1937 г. арестован и расстрелян. Причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1997 г.

⁵⁷ Петр (Соколов Павел Иванович; 1863—16.05.1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Сердобского, викария Саратовской епархии; в том же году арестован и заключен в Соловецкий лагерь особого назначения. С 1928 г. епископ Камышинский, с 1930 г. епископ Могилевский, затем епископ Сталинградский. С 1933 г. в сане архиепископа. Арестован в Сталинграде вместе со священнослужителями 23.04.1935, но вскоре был освобожден, т. к. в установленное наказание был включен срок предварительного заключения. С декабря 1935 г. архиепископ Воронежский; с октября 1936 г. в заключении, где и скончался.

⁵⁸ Примечания А. А. Соловьева могут быть дополнены. Согласно материалам дела 26 (ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Л. 67—68, 73—74, 76), осенью 1922 г. в ликвидационный отдел Наркомюста поступили жалобы от общин Александро-Невского собора, Крестово-Успенской, Сергиевской, Владимирской, Никольской и киноийской церквей Саратова на то, что мес-

тная власть принуждает группы верующих к расторжению договоров с ней в пользу ВЦУ, а также препятствует служению в этих храмах священнослужителей, не признающих ВЦУ.

Живоцерковники в январе 1923 г. обратились в Саратовский губисполком с просьбой расторгнуть договор с группой верующих кафедрального собора и передать его новой группе. Вслед за этим губернский отдел управления выдал В. А. Софинскому мандат для проведения ревизии материально-хозяйственного и финансового состояния саратовского собора. Но поводом для передачи его обновленцам могло также быть и дело по обвинению коллектива верующих кафедрального собора по ст. 130 Уголовного Кодекса, находившееся в начале 1923 г. в производстве у народного следователя 3-го участка города Саратова.

⁵⁹ Священник Дмитрий Шанский, настоятель церкви с. Церковный Увек в Саратовском уезде Саратовской губернии (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁶⁰ Священник Алексей Ушаков, клирик одной из церквей города Аткарка (Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ 10269).

⁶¹ Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич; 1886–28.12.1929), священномученик, архиепископ Верейский. В 1920 г. хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. За борьбу с обновленчеством был назван «Великим». В 1923 г. временно управляющий Московской епархией. Арестован в 1923 г. С 1923 по 1929 г. находился в Соловецком лагере особого назначения. В конце 1929 г. был приговорен к высылке в Среднюю Азию, на этапе в ссылку заразился сыпным тифом, был помещен в тюремную больницу в Ленинграде, где и скончался. Прославлен в лике местночтимых святых Московской епархии 10.05.1999, Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 г. сопричислен к лику священномучеников для общецерковного почитания.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, обновленческий раскол, «живоцерковники», тайные хиротонии, изъятие церковных ценностей, репрессии духовенства, Саратовская епархия.

THE SARATOV DIOCESE IN 1917–1930s. A.A. SOLOVYOV'S MEMORIAL NOTE

The publication deals with the note of A.A. Solovyov who was a church figure in Saratov Diocese. It has been stored in the M.E Gubonin's archive and informs about the secret consecrations of bishops in 1923 and the struggle against «the Revivalists» in the Saratov diocese in 1917–1930. The publication of I. I. Kovaleva and N. A. Krivosheeva.

Keywords: the Russian Orthodox Church, renovationist dissidence, «the Revivalists», secret consecrations of bishops, confiscation of church valuables, repressions against clergy, the Saratov diocese.